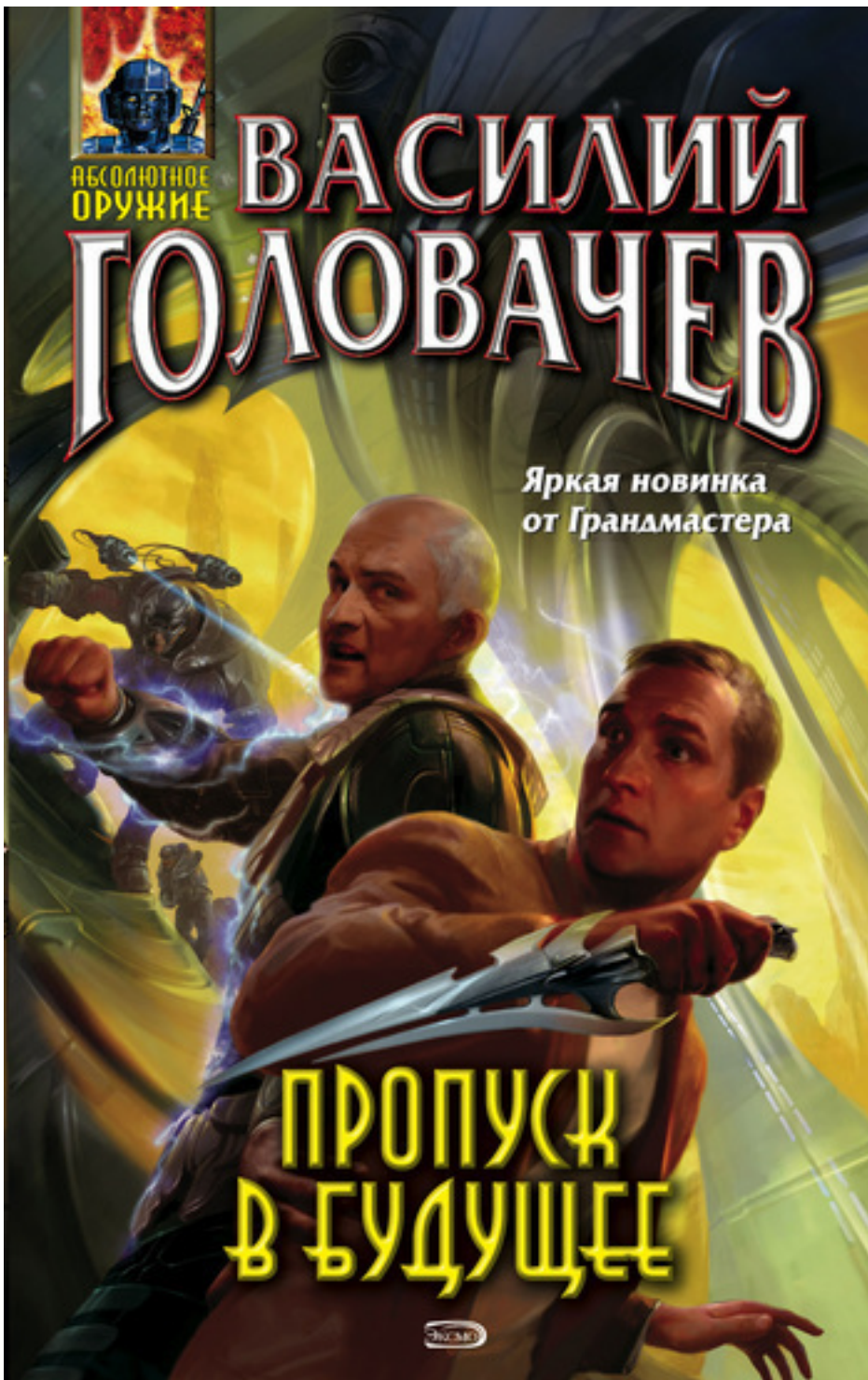

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

Яркая новинка
от Грандмастера

ПРОПУСК
В БУДУЩЕЕ

ЭКОМ

Регулюм

Василий Головачев
Пропуск в будущее

«ЭКСМО»

2008

Головачев В. В.

Пропуск в будущее / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2008 — (Регулюм)

ISBN 978-5-699-26918-1

Бывает, что недосказанное слово, неделанное дело отражается на будущем гораздо трагичнее совершенных ошибок. Так незавершенная операция на Марсе по уничтожению хроногена повлекла за собой возникновение тупиковой ситуации в развитии человечества. Еще немного, и земной Регулюм изживет себя, а значит, будет уничтожен. Виновник произошедшего, ставший к тому времени комиссаром Равновесия, Станислав Панов решает вернуться в прошлое, найти копию «себя» и, передав этому Стасу необходимые знания, уговорить его помочь завершить дело. Однако миссия осложняется тем, что теперь слишком влиятельные силы заинтересованы в том, чтобы не дать человечеству свернуть с дороги в пропасть...

ISBN 978-5-699-26918-1

© Головачев В. В., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	39
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

ПРОПУСК В БУДУЩЕЕ

Все описываемые в романе политические события, деятели и статистические данные являются исключительно авторским вымыслом

Границы, от которой я иду, я не помню.

Границы, к которой приближаюсь, не вижу.

Можно ли говорить, что я иду откуда-то и куда-то?

В. Пелевин. Мост, который я хотел перейти

Пролог

НИЧТО НЕ ПОВТОРИТСЯ

И вдруг время остановилось!

Стас всем телом почувствовал удар – странный удар, тяжёлый, сотрясший весь организм, превративший его в статую. Длилось это состояние недолго, Стаса тут же отпустило, он вытаращил глаза на экран, на котором скользкая под Фобосом поверхность Марса прекратила движение, и обернулся, ощутив, что он не один в рубке.

На него, прищурясь, засунув руки в карманы обыкновенного светлого плаща, смотрел Дервиш, отец Дианы, путешественник и исследователь.

– Здравствуй, невыключенный. Вот мы и встретились. Не рад?

В воздухе перед Стасом просияли редкие звёздочки, исчезнув раньше, чем он обратил на них внимание.

– Здравствуйте, – невнятно пробормотал Стас, оглянувшись на замершую на экране картину. – Это ваших рук дело?

– Я всего лишь удлинил секунду для нашей встречи. На мой взгляд, нам стоит побеседовать.

– О чём?

– О тебе, о времени, о твоём задании.

– О каком таком... задании?

– Ты был назначен главным исполнителем сложного тренда для коррекции Регулюма, но не прошёл испытательный тест.

– Кем назначен? – Стас ошеломлённо заглянул в глаза гостя. – Почему не прошёл?

Дервиш усмехнулся.

– СТАБС изжил себя как стабилизирующая структура. Система Равновесий в вашем Регулюме (Стас отметил про себя эту обмолвку: в вашем...) должна быть иной. Но для этого необязательно уничтожать равновесный стратегал.

– Мы думали...

– Я знаю, что вы думали. Моя дочь очень решительная молодая особа, но иногда допускает просчёты, её надо вовремя останавливать.

– Идея уничтожения стратегала принадлежала не ей.

– Я знаю, кому принадлежала идея. Дело в том, что, уничтожая матричный геном Регулюма, вы лишаете его детерминированности. Иными словами – отбираете возможность мягкой

коррекции, бросаете в непредсказуемое пространство энтропийного вырождения и событийной неопределённости. Уже нельзя будет вернуться в прошлое и откорректировать реальность таким образом, чтобы избежать всеобщей гибели в ядерной или иной войне. Ничто уже не повторится.

В вихре мыслей, проносащихся сквозь голову, Стас не сразу отыскал нужную.

– Должны быть другие способы избежать этого...

– Вера, надежда, любовь... Но люди их, к сожалению, не нашли. Поэтому стратегал, а точнее, хроноген и начал плавную свёртку Регулюма.

– Значит, мы всё-таки решили правильно? Уничтожив стратегал, мы даём шанс цивилизации выжить?

Дервиш покачал головой.

– Процесс зашёл слишком далеко и к середине нашего двадцать первого века закончится. Человечество прекратит существование как разумная система. Регулюм выродится в сверхплотный односторонний объект, в «струну», каких во Вселенной великое множество.

В воздухе снова замелькали неяркие искорки, как бы подчёркивая нереальность происходящего.

Стас облизнул ставшие сухими губы.

– Значит, мы... обречены? И ничего нельзя сделать? А если уничтожить не стратегал, а хроногенератор? Чтобы Равновесия не вмешивались в прошлое...

– Хроногенератор – это не устройство, не машина, не физическая связанная система, это – закон! В соответствии с ним был задуман наш мир – Регулюм, в соответствии с ним работает геном Регулюма – стратегал, в соответствии с ним появилась жизнь в Солнечной системе. Его нельзя уничтожить, его можно только изменить.

– Как?!

Дервиш прошёлся по залу рубки, совсем не подскакивая при каждом шаге, словно сила тяжести в ней была нормальной, земной, сел в кресло, которое раньше занимала Диана, посмотрел на стоящего Станислава снизу вверх.

– Садись, у нас ещё есть время. Дело в том, что на свой вопрос ты должен был ответить сам. В соответствии с заданием ты должен был изменить законы хроноинверсии. Тебе были даны знания и опыт инспектора баланса, эйконал его обережника, Знания Бездн, наконец, которые содержат все ответы на все вопросы, в том числе и как спасти Регулюм от распада. Или, скажем, любого человека в Регулюме. Дарью Страшко, к примеру. Но ты не пошёл дальше того, чтобы занять волевою властью над физикой мира. Ведь так? Помнишь дорогу в никуда, где мы встретились впервые?

Перед глазами Стаса развернулось море тумана, цепочка уходящих в бесконечность скал с плоскими вершинами, чёрное беззвёздное небо над головой.

– Пройди ты по ней до конца, – продолжал Дервиш, – мы бы сейчас не оказались здесь в драматичной ситуации. Но ты не рискнул идти дальше, испугавшись дракона, стерегущего дорогу к истинным Знаниям Бездн. А ведь дракон тот был – твой собственный страх, и ничего более.

Стас открыл рот, чтобы возразить, и закрыл. Слов не было. Дервиш был прав.

Снова в застывшем воздухе рубки просыпалась звёздная пыль, испаряясь на лету.

Отец Дианы усмехнулся, снисходительно и терпеливо, но без насмешки.

– Инспектор Законов Равновесия ИЗАР правильно оценил тебя, докладывая Главе Метакона о ситуации в Регулюме. Ты им не опасен.

Наступило молчание. Залившийся краской, вспотевший, страдающий Стас отвернулся, пытаясь найти оправдания, и не находил. Наконец пробормотал через силу:

– Значит, всё было рассчитано заранее? Моя встреча с инбой... с вашей Дианой... работа на Равновесие-А... Может быть, и эта наша встреча запрограммирована?

– Тебе дали шанс реализовать свои творческие возможности, парень, а они у тебя имеются, но ты ими не воспользовался. Во всяком случае, до конца, в полной мере. Твоя идея передать свои знания другому человеку – идея труса. Разве не так?

Стас вскинулся, как от пощёчины, встретил сочувствующий взгляд Дервиша, отвернулся. На глаза вдруг набежали слёзы.

– Я сделал всё... что мог...

– Не всё, Слава, не всё. Ты мог спасти ту Дарью, первую, из твоего времени, но не хватило упрямства. Ты мог не подставлять Вадима Борича, человека сильного, смелого, но не обладающего способностями абсолютника, и всё же увлёл за собой. Ты мог не слушать мою дочь, слишком активную и агрессивную, но предпочёл подчиняться, чтобы не брать на себя ответственность. А когда взял – как в случае с этой древней межзвёздной развалиной, – сделал ошибку. У тебя открывалось много иных возможностей поучиться и стать вровень с теми, кто знает – когда и во что вмешиваться, но ты их упустил.

Стас проглотил ком в горле, его душили слёзы, но он ничего не мог с собой поделать. Потому что внутренний мир рушился. Потому что, несмотря на обиду, понимал всю злую суть и правду слов Дервиша.

– Вы не имели права... без моего согласия... делать из меня агента... какой-то там «божественной администрации».

– Вот тут я с тобой согласен, каюсь. Но ведь и мы – существа конечные и способные ошибаться. Один лишь Создатель не ошибается.

– Даша... эта, которая со всеми... тоже предусмотрена вашим планом?

– Достаточно того, что она предусмотрена тобой. Береги её, потому что в этом мире уже действительно ничто никогда не повторяется.

Стас вскинул на собеседника враз высохшие глаза.

– Почему?!

Дервиш мягко рассмеялся.

– Свобода зависит только от нас самих. Делай своё дело и помни, что от тебя зависит будущее не только всей цивилизации – иной раз мы за лесом не видим деревьев, – но и будущее твоих близких и друзей. Прощай, невыключенный.

– Прощайте, – пробормотал ошеломлённый Стас. – Я попытаюсь понять... почему всё так...

Дервиш начал таять в воздухе, наполнившемся струйками сверкающих звёздочек.

– Постойте! – вспомнил Стас, вскакивая и поднимаясь от толчка над полом. – Что мне делать?!

– Думай...

– Но у меня нет... не уходите... кто вы на самом деле?

Издали – словно из пропасти донеслось неразборчивое:

– ... гел... ё... стоящ...

Стас напряг слух, но тут движение возобновилось, и он вынужден был подплыть к креслу и сесть, откидывая голову так, чтобы виден был весь приближавшийся Марс.

Снова в воздухе просияло облачко гаснущих искр.

Стаса качнуло, словно он внезапно опьянел. Холодные пальцы легли на спину, шекотно пробежались по хрупкому позвоночнику. Душу вдруг охватили сомнения, правильно ли он оценил слова Дервиша? А главное – стоит ли ценой своей жизни корректировать реальность?

– Дьявол! – произнёс он вслух.

Поверхность Марса побежала навстречу быстрей.

«Неужели нельзя изменить реальность другим способом, менее рискованным? – пришла трезвая мысль. – Ведь ты же абсолютник, оператор Большой Воли! Сверни с этой непредсказуемой дороги!»

Облачко невесть откуда взявшихся искр закрыло око солнца. В рубке похолодало.
Почему Дервиш покинул его? Знает, чем всё закончится? Или просто не хочет погибать вместе с ним?
– Остановись, время! – прошептал Стас...

Глава 1

О ЧЁМ ТЫ МЕЧТАЕШЬ?

Ночью прошёл снег, и тротуары с утра засверкали пушистой белизной, придающей городу торжественную чистоту.

Дарья загляделась на удивительно красивую шеренгу заснеженных лип, даже остановилась на минуту, прислушиваясь не столько к утренней тишине, сколько к собственной восторженности, кружащей голову. Мысли ушли, осталось только ощущение грядущих перемен, ожидание чуда, и это было главным, потому что хотелось радостных встреч и счастья, которое лёгким облачком парило где-то в небе.

Кто-то грубо толкнул её в плечо.

– Замечталась тут, – прозвучал сварливый голос, – пройти невозможно.

Дарья очнулась, отступила в сторону, смущённо оглядываясь.

Никому она не мешала. Просто какая-то плохо одетая пожилая женщина позавидовала её молодости и красоте. Неужели сама не была молодой и не замирала от нисходящей на душу благодати мира?

Подул холодный ветер.

Дарья посмотрела на небо. Наметившийся было просвет в тучах затянулся, стало заметно пасмурнее. Вообще в последнее время все стали замечать, что климат в средней полосе России изменился: похолодало, несмотря на все уверения учёных в глобальном потеплении. Зимы одна за другой били рекорды по низким температурам. Летом тоже стало прохладнее, а главное – летние периоды сократились, тёплая погода приходила теперь в Суздаль, где жила Дарья, не раньше начала июня.

Девушка зябко передёрнула плечами, заторопилась на работу, вливаясь в поток прохожих, спешащих по своим делам. Однако её восторженно-мечтательная натура не умела долго размышлять о сюрпризах климата, о зиме, холодах, и она снова приостановилась у стен кремля, глядя на голубые маковки Рождественского собора. Его начали строить в двенадцатом веке, а закончили в четырнадцатом, затем достраивали и реставрировали, но и в просвещённом двадцать первом столетии он производил впечатление на прихожан, гостей города и на тех, кто жил рядом, своей величественной простотой и незыблемым спокойствием. Казалось, пройдут тысячелетия, а собор так и будет стоять здесь, храня тайны веков, радуя глаз изысканной геометрией.

Дарья перекрестилась, побежала дальше и вскоре вошла в калитку детского сада на улице Ленина, где она работала воспитательницей с семнадцати лет. Нынче ей уже исполнилось двадцать, Дарья закончила лицей, но уходить из детсада не собиралась. Возиться с детьми она любила до самозабвения.

Начались обычные утренние хлопоты: сбор детей, приветствия родителей, расспросы о самочувствии, пожелания здоровья, ворчание бабушек и напутствия строгих мам. Первый смех и первые слёзы.

Дарья покачала головой, разнимая пятилетних мальчишек: снова пришлось спасать детей от бузотёра и обидчика Кеши Яковенко, привыкшего отнимать игрушки и не слушаться воспитателей. Отцом Кеши был известный в городе бизнесмен Сильвестр Яковенко, бывший хоккеист, один из местных криминальных лидеров, и сына он воспитал по своему образу и подобию, то есть – хамоватым, уверенным в том, что ему все позволено. Дарья была свидетелем, как Сильвестр разговаривал со своей женой – в приказном тоне, грубо, с матом, и этого оказалось достаточно, чтобы оценить личность господина Яковенко, не умеющего, а главное – не желавшего сдерживаться.

Кеша, толстый, щекастый, не по возрасту сильный, ударил мальчика Вовика, отошёл в угол, недовольный тем, что ему не дали игрушку, которую он пытался отнять, и сказал Дарье по-взрослому:

– Папан тебя накажет!

– За что? – мягко улыбнулась девушка. – Я ведь не отнимаю игрушки у других, как ты. Отнимать у слабых – вообще последнее дело. Попросил бы – и тебе дали бы машину.

– Я сейчас позвоню, папан приедет и надерёт тебе задницу.

Дарья и её напарница Шура Павловна переглянулись.

Лексикон их подопечного явно был скопирован с речи отца.

– Кеша, – сказала Шура Павловна со вздохом, – ты сам ведёшь себя плохо. Папе будет неприятно, если он об этом узнает. Давай успокоимся, вот твоя машина, точно такая же, что и у Вовы, играй и не обижай никого.

Кеша демонстративно пнул ногой игрушку и процедил сквозь зубы:

– Папан вас обеих накажет! Вы дрянные!

– Хорошо, хорошо, накажет, – согласилась Дарья, дотронулась до плеча мальчишки. – Садись, сейчас будем завтракать.

Инцидент этот вскоре забылся. Завтрак всех помирил. Дети заигрались и забыли о своих претензиях. Не забыл только Кеша, в котором зрел независимый и злобный характер. Он ещё дважды за день пытался отнять у приятелей игрушки, дрался, а когда его умиряли, отходил в угол игрового зала, сверкал глазами и цедил какие-то слова. Шура Павловна утверждала, что это была совсем не детская ругань.

Дарья побеседовала с мальчиком, приводя в пример более покладистых сверстников Кеша, попыталась убедить его в неправильности поведения, подчинявшегося принципу «я хочу», однако заскучавший Кеша не стал её слушать и снова пообещал, что «папан всех накажет». А когда разочарованная таким финалом беседы Дарья спросила: «Как?» – Кеша ответил совершенно спокойно:

– Вые...т!

Дарья ахнула, бледнея.

– Кеша!

Шура Павловна, подошедшая к ним в этот момент, молча схватила мальчика за руку, втокнула в спорткомнату.

– Посиди здесь, герой, подумай, стоит ли повторять, что говорит твой папан.

Женщины посмотрели друг на друга.

Потрясённая Дарья провела ладонью по лицу.

– С ума сойти! Кем же он вырастет?

– Он не понимает, что говорит, – покачала головой более опытная Шура Павловна. – В принципе наказывать надо не его, а папашу. Я поговорю с заведующей, надо принимать какие-то меры. Дальше будет хуже.

– Хорошо, я поговорю с самим Яковенко.

Однако разговора с Яковенко-старшим не получилось. В этот вечер Кешу забрал водитель бизнесмена. А утром следующего дня разъярённый Сильвестр Яковенко набросился на Дарью с руганью, – отпрыск, очевидно, успел пожаловаться папаше, – и потребовал у заведующей уволить воспитательницу старшей группы.

Заведующая Жанна Романовна попыталась уговорить бизнесмена, объяснить, что виноват во всём его сын, но Яковенко и слушать не захотел её увещевания. Уходя, он хлопнул дверью и пригрозил «принять адекватные меры» к «обидевшей» сына строптивой сотруднице детсада.

– Что же мне теперь – увольняться? – грустно спросила расстроенная Дарья.

– Если ты уволишься, уйду и я, – пообещала Шура Павловна.

– Девочки, успокойтесь, – строго сказала Жанна Романовна, держа в пальцах сигарету; перехватила взгляд Дарьи, поморщилась. – Заставил вот, мерзавец, закурить. Будем разбираться вместе, я вас понимаю. У него большие связи, но и я поговорю кое с кем, проясню ситуацию. В садике таких детей много, и что же – после скандалов с родителями каждый раз менять воспитателей? Пусть переводят сына в другой детсад.

Дарья воспряла духом и до конца дня работала с хорошим настроением, не отвлекаясь на Кешу больше, чем требовали обстоятельства.

Однако Яковенко-старший не забыл «принять адекватные меры», и девушку ждало самое тяжёлое испытание в жизни, которое она даже представить не могла.

Несмотря на то что семья Дарьи не бедствовала, машины у них не было, и домой она в большинстве случаев шла пешком; дорога от детсада до дома занимала всего полчаса. Так она поступила и в этот вечер.

Быстро стемнело. На улицах зажглись фонари. С неба посыпалась снежная пороша, затягивая всё вокруг тающей волшебной пеленой. Фонари оделись в красивые сферические орелы, то сужавшиеся, то увеличивающиеся в размерах в зависимости от густоты снегопада.

Дарья невольно замедлила шаги, замороженная до мистического состояния восхитительной картиной.

Она уже свернула с Васильевской на улицу Калинина, в конце которой, на берегу Каменки, стоял новый двенадцатиэтажный дом, где она жила. Слева стал виден Васильевский монастырь, справа, за домами, прятались знаменитые земляные валы, с которых зимой открывался вид на пойму Каменки, заречные слободки и ансамбли монастырей. Дарья не раз гуляла летом с подругами в старинной части города, проникаясь «сакральными ароматами веков», и ей очень нравились эти места.

Она остановилась, заглядевшись на танцующие в лучах ближайшего фонаря струи снежинок.

Внезапно рядом, так близко, что девушка испуганно вскрикнула и отшатнулась, остановился большой чёрный джип. Открылась левая задняя дверца, на тротуаре выросла мужская фигура, Дарья почувствовала рывок и едва удержалась на ногах.

– Садись!

– Что вы делаете?! – слабо запротестовала изумлённая девушка.

– Садись, тебе говорят!

Дарья узнала Сильвестра Яковенко, отца Кешы. Попыталась освободиться.

– Отпустите!

– Отпустим, конечно, – ухмыльнулся Яковенко. – Только сначала проучим немножко, поучим нужных детей любить. В машину!

Дарья отчаянно рванулась из его рук, помчалась прочь.

Яковенко бросился за ней, матерясь, но отстал.

– Садись, догоним, – высунулся из джипа водитель.

Яковенко с ходу нырнул в машину, джип с урчанием прыгнул вперёд.

Дарья оглянулась, прибавила, однако далеко убежать не смогла. Джип настиг её. Яковенко снова выпрыгнул из машины, но девушка увернулась, перебежала улицу, увидела свой дом.

– Сука! – взревел озверевший бизнесмен. Он был далёк от своих прежних спортивных кондиций и явно отставал. Остановился, тяжело дыша, вскочил в подъехавший джип.

– Гони!

Джип снова устремился в погоню.

– Давай вдвоём, – предложил бритоголовый водитель, – а то убежит.

– На ...! – выругался Яковенко. – Дави эту стерву!

Водитель без колебаний въехал на тротуар, направил машину на Дарью.

Страшный удар подбросил её в воздух. Она почувствовала, что летит... и проснулась в кровати в холодном поту.

Сердце колотилось о рёбра, во рту пересохло, голова болела, словно она и в самом деле ударилась обо что-то твёрдое, перед глазами всё плыло и качалось.

Девушка посидела в темноте, держась за грудь, потом прилегла. Прошептала онемевшими губами:

– С ума сойти!

В комнату, освещённую ночником, осторожно заглянула мама. Увидела дочь.

– Не спишь, доченька? Мне показалось, что ты вскрикнула.

– Плохой сон увидела, – слабо улыбнулась девушка. – Просто плохой сон. Ничего, всё нормально. Который час?

– Шесть скоро.

– Поваляюсь ещё часок.

– Поспи, я разбужу.

Дарья легла, закрыла глаза, вспоминая сон. Ей ещё ни разу не снилось, что она работает воспитателем в детсаду, в Суздале (жила она в Москве), да и сон был на удивление реален и подробен, поэтому его стоило запомнить. Жаль только, что он так плохо кончился.

Дарья поёжилась, чувствуя странное дуновение холодного ветра, потом приказала себе успокоиться и задремала.

Встала в полвосьмого, уже с другим настроением. Рассказала маме сон, упустив подробности жуткого финала, и побежала на работу: она работала оператором в банке «Москредит», на Хорошевке.

Зима в этом году выдалась снежной и холодной. Вот и с утра задул пронзительный северный ветер, принёс хмурые тучи, и, пока Дарья ехала в метро, пошёл снег.

Впрочем, её радовала любая погода, и к холоду она относилась философски, веря, что скоро наступит весна, а за ней зелёное чудесное лето.

В девять часов утра Дарья села на своё рабочее место в кассовом зале и включила компьютер. Её соседка Мила протараторила свои впечатления от встречи с молодым человеком по имени Сильвестр, который уже дважды приглашал её в ресторан, и Дарья живо припомнила свой сон. Там тоже существовал Сильвестр, отец мальчика Кеши. Она подивилась такому совпадению. Но банк открылся, пошли клиенты, и думать о посторонних вещах стало недосуг.

К обеду Дарья успела оформить документы на автокредит двум мужчинам, сделать отчёт за прошедшую неделю о движении средств через её терминал и пообщаться с Милой. Подруга была в восторге от своего нового знакомого и предложила Дарье сходить вместе с ней в ресторан в компании Сильвестра и его друга.

– Я подумаю, – пообещала девушка.

Её приятель Станислав Панов почему-то давно не заходил, не звонил, и хотя она понимала, что он может быть в командировке, – служил он в каком-то особом подразделении внутренних войск, – хотелось быть «как все», отдыхать с друзьями и хотя бы изредка посещать танцевальные клубы.

Рабочий день закончился без особых волнений и сует. В начале седьмого из банка вышли последние посетители. Охранник закрыл входную дверь. И тотчас же в неё постучали. Это были молодые люди приятной наружности, одетые в модные лакриновые куртки с искрой. Один из них прилип к стеклу двери, второй прокричал охраннику:

– Извините, мы к Миле.

– Банк закрыт, – заученно проговорил охранник дядя Боря.

Его напарник Марат проворчал:

– Раньше надо было приходиться. Подождите, она освободится через полчаса.

– Мы спешим. Позовите Милу. Ну, пожалуйста!

– Ой, это ко мне! – услышала их голоса девушка, засуетилась, оглядываясь на Дарью. – Сильвестр пришёл. Пойдёшь с нами?

Дарья, прихорашивающаяся перед зеркалом в своей кабинке, заколебалась.

– Не знаю... неудобно...

– Чего тут неудобного? Я тебя познакомлю с Гошей, другом Сильвестра, он тебе понравится. Правда, он иногда бывает грубоват, зато юморист.

– Хорошо, посмотрим, – согласилась Дарья.

– Дядь Борь, открой.

Охранник, ворча, открыл входную дверь.

Молодые люди вошли в банк, и началось то, чего Дарья не могла представить даже в страшном сне.

Спутник кудрявого Сильвестра (до чего же он похож на «бизнесмена» Яковенко из сна!) вдруг извлёк из-под полы куртки пистолет и выстрелил в охранника дядю Борю. Второй выстрел достался охраннику Марату. Оба упали.

– Руки на голову! – заорал Сильвестр, стреляя в потолок из второго пистолета. – Это ограбление! Я не шучу!

Мила ахнула, округляя глаза.

– Сильвестр, что ты задум...

– Молчать! Выгребайте деньги из касс! Быстро! Перестреляю всех!

Молодой человек выстрелил в потолок ещё раз.

Из двери в служебные помещения банка выбежал ещё один охранник, наблюдавший за операционным залом по монитору.

Спутник Сильвестра выстрелил в него, оскалась, попал в руку, затем послал пулю точно в голову.

Мила вскрикнула, меняясь в лице, начала торопливо опустошать сейф своей секции.

Дарья, выйдя из ступора, потянулась к тревожной кнопке.

Сильвестр заметил её движение.

– Руки, падла! Пристрелю!

Дарья замерла.

– Отойди от стола! Деньги доставай!

Девушка повернулась к сейфу, находясь в странном эйфорическом состоянии: начало казаться, что это тоже сон, несмотря на все реалии и чувственную достоверность происходящего.

– Живей, зараза!

Она вздрогнула, выронила пачку денег, нагнулась за ней и вдруг поняла, что никакой это не сон, что всё это с ней происходит наяву и что подчиняться грабителю ей не хочется.

Дарья выпрямилась, глядя на оскалившегося Сильвестра с отчаянной смелостью, и одним движением вдавила кнопку тревожной сигнализации справа на тумбе стола.

Взвыла сирена.

Сильвестр, вытаращив глаза, выстрелил.

Мир перед глазами девушки взорвался, собрался в точку и погас...

«О чём ты мечтаешь, девонька?»

«О счастье, бабушка».

«Так будь счастлива, поелику судьбе угодно...»

Глава 2 РЕГУЛЮМ

Он стоял на краю ажурной серебристой платформы, языком нависавшей над огненным морем лавы, и смотрел на гигантскую округлую гору жидкого огня за горизонтом, которая представляла собой край Солнца. Над горой величественно расплывались алые фонтаны – протуберанцы, часто вспыхивали лучистые факелы, вспухали и лопались зёрна глобул. Солнце пульсировало, кипело, изливало мощные потоки света и радиации, дышало, и смотреть на этот процесс хотелось долго.

Комба повернулся, изменил диапазон зрения, чтобы лучше видеть пейзаж планеты – это был Меркурий – и созданное разумниками Марса сооружение.

Ажурное чешуйчато-ребристое здание с длинными, раскинутыми в стороны «лепестками», выросшее над горной страной недалеко от сумеречного пояса, было исключительно гармоничным и красивым. Строили его не люди, а псевдолемуры, обитатели Марса, для сугубо утилитарных целей – аккумуляирования энергии Солнца и организации сети мгновенного транспорта. Но даже с точки зрения человека сооружение казалось эстетически выверенным и вполне могло оцениваться как произведение искусства. Во всяком случае, оторваться от его созерцания было трудно даже комиссару баланса, давно не включавшему свою эмоциональную сферу.

Он сожалеюще качнул головой. По сути, эту красоту ему предстояло уничтожить. Не взорвать, не сжечь, не разрушить каким-нибудь хитроумным способом, но сделать так, чтобы данный узел пространства перестал служить одному из Равновесий «тензором» Регулюма, его опорой. А для этого достаточно было спуститься в прошлое Регулюма и повернуть милиссу главного конструктора «тензора» таким образом, чтобы он увлёкся другой идеей. Либо не родился вовсе.

Комба Ста-Пан, в прошлом – абсолютник Станислав Панов, родившийся и выросший на Земле, вздохнул. Ему было жаль «стирать» из памяти Регулюма такие великолепные со всех точек зрения произведения творческого гения разумников, будь это уранийцы, фаэтонцы, марсиане или люди. На памяти Ста-Пана это был уже третий случай коррекции реальности, требующий полного стирания «виртуальной памяти» Регулюма. Вообще же за всё время работы СТАБСа, насколько знал комиссар баланса, изменение реальности, влекущее за собой уничтожение изумительно гармоничных и красивых архитектурных и технических достижений, отточенных технологий, происходило более ста тысяч раз.

Однако задания, выдаваемые руководителем СТАБСа своим комиссарам, не подлежали обсуждению. Все они являлись следствием анализа обстановки в Регулюме и были направлены на поддержание глобального равновесия в узле реальности, ради его же стабилизации и жизнеобеспечения.

Вселенная, или Матрица Мира, представляла собой сложнейший голографический фрактал всех возможных состояний материи. Но хаосом этот сверхтекучий континуум назвать было нельзя. Его жизнь контролировалась на разных уровнях, и там, где контроль был достаточно гибок, возникал временно стабилизированный узел формообразования – регулюм, отделённый от других подобных узлов потенциальным барьером – пространством. Земля, где родился Ста-Пан, являлась одним из бесчисленного множества регулюмов, поддерживаемых воздействием нескольких управляющих структур, в зависимости от условий, порождаемых их геномами. В земном Регулюме системами низшего порядка были Равновесие-А и Равновесие-К, а контролирующую их систему представлял СТАБС. Структурой высшего порядка для связанных регу-

люмов Галактики был Метакон. Сотрудникам СТАБСа доступ к этой структуре был запрещён. Хотя Ста-Пан знал о её существовании и даже когда-то контактировал с эмиссаром Метакона.

Комба бросил последний взгляд на жидкий с виду купол Солнца и мысленно-волевым усилием перенёс себя на Марс, одновременно опускаясь в прошлое на сто миллионов лет. Абсолютники его уровня могли достигать практически любой эпохи прошлого, вплоть до рождения Вселенной, и лишь прыжки в будущее были для них ограничены полусотней лет. По этому поводу существовало множество мнений, однако самым адекватным Ста-Пан считал своё собственное, основанное на встречах с Дервишем, сотрудником «ангельской службы» Творца, создавшего систему регулюмов. Мнение это звучало так: в середине двадцать первого века человечество ожидало столь резкое бифуркационное изменение реальности, что Равновесия, первое и второе, поддерживающие функционирование Регулюма, не справились со своей задачей, и Регулюм – весь, целиком! – был «стёрт»! Не помог и Метакон. Либо сам был причастен к «стиранию» «взбунтовавшегося разумного конгломерата».

Впрочем, комбу Ста-Пана сей вариант развития Солнечной системы, которая и представляла собой Регулюм, не сильно волновал. Он не подчинялся стохастическим изменениям реальности и временным «обрезаниям». Такие, как он, могли жить в любых временах и организовывать вокруг себя зоны волевых корреляций или мини-виртуалы – стабильные хронокарманы, в которых можно было переждать любые вселенские бури. Но и его озадачивала невозможность попасть в будущее Регулюма, ставящая под сомнение возможности самого СТАБСа как контролирующей и корректирующей силы Равновесия. Если уж фундатор СТАБСа марсианин Имнихь не в состоянии был преодолеть хронобарьер середины двадцать первого века, то что говорить о его подчинённых: инспекторах баланса – инбах, чисбах – чистильщиках, набах – наблюдателях, рабах – расчётчиках баланса и даже о комбах – комиссарах, способных самостоятельно «запаковывать» варианты реальности в хроники или виртуалы – «коконы вечного настоящего», называемые сотрудниками СТАБСа «хрономогилами».

При этом должность – комиссар баланса – не была карательной (должностью). Просто комиссарам доверялось исполнение функций контроля всех структур Регулюма. Поэтому комиссаром мог стать только предельно информированный и сдержанный разумник (необязательно человек), обладающий твёрдым характером и отсутствием колебаний.

Ста-Пан к его пятидесяти пяти годам стал именно таким разумником, получившим вдобавок ко всему ещё и доступ к Знаниям Бездн, то есть к базе данных Метакона. И всё же в глубине чувственной сферы, в глубине души – как говорили люди, он оставался человеком.

Выйдя в прошлое Марса, в разгар креативного развития марсианской цивилизации, комба развернул свой «походный терминал», то есть включился в исследование параметров среды, изучил обстановку и пробежался беглым взглядом по компьютерным сетям базового марсианского города Талцетл (хотя марсианские компьютеры очень сильно отличались от созданных людьми, представляя собой специально выращенные живые организмы). Засечь его никто не мог, даже с помощью существующих новейших систем защиты сетей. К тому же комба мог волевым усилием перемещаться в пространстве – этот приём назывался тхабсом, реже волхварём, – поэтому ничего не боялся и делал своё дело спокойно, не торопясь. Он знал, что всё равно успеет.

Несмотря на то что фундатор – глава СТАБСа – был потомком марсиан и местом обитания выбрал Марс за двести миллионов лет (земных, разумеется; комба пользовался своими мерами летоисчисления) до появления человека, в деятельность марсианской цивилизации он не вмешивался. Но за ходом процесса коррекции жизни Регулюма следил. Средством же контроля служил стратегал, своеобразный «геном» Регулюма, играющий роль генного программатора. Стратегал вместе с его «сердцем» – хроногенератором был создан миллиарды лет назад первыми разумниками – плутонианами и приспособлялся каждый раз к новому носителю

разума Солнечной системы, в данном случае – к марсианам. Во времена раскрытия человеческой цивилизации им управляли люди, хотя из них практически никто не догадывался, что стратегал является ещё и антенной, принимающей сигналы от внешнего формообразователя – Метакона. Ста-Пан это знал.

Ему было известно и то, что стратегал Регулюма Солнечной системы представляет собой лишь необычный «компьютерный сайт», управляемый созданным Творцом Стратегалом Вселенной. Когда-то Ста-Пана поразило известие, что обе земные системы коррекции Регулюма – Равновесия А и К – пользуются этим же стратегалом, считая его безраздельно своим, хотя на самом деле работал он для них в параллели, в режиме раздельного оперирования. Мало того, тот же самый стратегал использовался и сотрудниками СТАБСа, поскольку размещался одновременно в трёх- и четырёхмерном пространствах. Разумеется, возможности равновесников при этом на порядок были ниже возможностей агентов СТАБСа.

Ста-Пан мог бы управлять «своим» стратегалом (который он когда-то хотел уничтожить, сбросив на поверхность Марса его спутник Фобос) и дистанционно, однако предпочёл опуститься в его хранилище, упрятанное в недрах марсианских гор на глубине в два километра.

Зал стратегала был велик и заполнен текучей «виртуальной» жизнью, которая когда-то произвела большое впечатление на впервые переступившего его порог Ста-Пана. Бросив взгляд на пульсирующий, светящийся, хрустально-прозрачный агрегат посреди зала – множество сфер, вложенных одну в другую, Ста-Пан прошествовал мимо чешуйчатых «шишек» вириалов управления с операторами внутри к свободному кокону, привычно подсоединил сознание к операционному полю и проанализировал заданную задачу.

Для её решения действительно можно было всего лишь изменить милиссу, то есть родовую хронолинию одного из лидеров нынешней марсианской цивилизации, после чего должна была измениться и матрица Регулюма. Лидер по имени Тускууб должен был стать не экономистом и политиком, а обыкновенным шоуменом, в результате чего исчезала и созданная им – при отсутствии внешнего вмешательства – структура, попытавшаяся в развязанной на Марсе войне использовать оружие большой разрушительной силы.

Правда, при этом исчезало и то самое сооружение на Меркурии, понравившееся Ста-Пану (он почувствовал мимолётное сожаление), однако данный факт не играл существенной роли для процесса поддержания глобального равновесия в Регулюме.

Комба загнал сожаление в глубину души, профессионально быстро рассчитал вектор вмешательства в жизнь Тускууба. Ничто не мешало претворить замысел в жизнь, никто не собирався защищать милиссу Тускууба контрагентным файлом. И всё же Ста-Пан тщательнейшим образом проанализировал все варианты последствий своего тренда, чтобы потом не сомневаться в его безопасности.

На это ушло какое-то время.

Выявить негативные «плывуны» не удалось.

Однако Ста-Пан почувствовал некую неуютную неудовлетворённость после окончания работы и принялся ради страховки делать повторный расчёт милиссы, присоединив к нему построение оси влияния на будущее.

Интуиция его не подвела.

Оказалось, что изменение милиссы псевдолемура Тускууба имеет гораздо более серьёзные последствия, так как он должен был стать не только лидером оппозиции марсианского правительства, но и прапредком одной из генетических линий землян, впоследствии названных гиперборейцами. Мало того, это был одновременно и прапредок абсолютника Станислава Панова, жившего на Земле в двадцать первом веке, чья реальность потом была «сброшена» в хроник и стала виртуалом.

По сути, комба Ста-Пан был «виртуальным братом» Панова, так как вырос из того же «корня реальности» после изменения, в результате которого Панов-первый сбросил на стратегал «бомбу» – марсианский спутник Фобос (этот вариант реальности и был стёрт), а Панов-второй – нет (оставаясь в мейнстрим-реальности). Комба Ста-Пан и стал потомком Панова-два, вернее, продолжил его путь.

Поразмыслив, Ста-Пан решил не торопиться с выполнением задания, а сначала поговорить с фундатorem. Он даже по тхабс-линии переместился из зоны стратегала на территорию обители фундатора, расположенной на берегу Бериллиевого залива (так звучало название на русском языке, на марсианском оно звучало иначе). Однако, полюбовавшись интерференционной игрой волн залива цвета расплавленного золота, куполами сияющих гор Кирпат на горизонте, Ста-Пан вернулся обратно в зал стратегала и занялся новыми расчётами.

Выяснилось, что решение порученной ему задачи имеет не одно, а целых три варианта.

В первом в сброс уходил весь двадцатый век земной цивилизации, что вело к очень крутому изменению истории человечества.

Конечно, вместе с двадцатым веком исчезали и все его войны, драмы и трагедии. В России не возникала социалистическая система, никто не строил коммунизм, никто не посягал на её территории, цари не продавали Аляску Соединённым Штатам Америки и разные острова, и даже такое явление, как терроризм, не достигало пикового развития, превращаясь в формообразующую социальную силу, как в нынешние времена. Разумеется, при этом варианте развития цивилизации не появлялась и миссис Станислава Панова, что вело к исчезновению самого комбы Ста-Пана.

Второй вариант решения проблемы комбу позабыл.

Он сохранял свой статус комиссара контроля реальности, но человечество при этом трансформировалось радикально, причём – как биологический вид.

Нет, облик носителя разума был близок к гуманоидному: человек сохранял две ноги, две руки, голову, однако все пропорции тела изменялись. Средний рост хомо сапиенса стал меньше на тридцать сантиметров, грудная клетка увеличилась с ростом лёгких, глаза приобрели клапаны над веками, а уши удлинились чуть ли не до плеч, как у пуделя. Человек мог закрывать ушные раковины, спасаясь от чрезмерного шума.

Улыбнувшись в душе, Ста-Пан стёр свои расчёты из памяти стратегала, вернулся к первоначальному варианту. Если оставить его в том состоянии, которое диктовалось условиями задачи, исчезал не только Марс, известный самому Ста-Пану, закукливался в «хрономогиле» очень большой и потенциально богатый пласт Регулюма. Да, нервный, неоднозначный, агрессивный, полный драматизма, но очень вариативный и динамичный. Непонятны были соображения фундатора, принявшего решение откорректировать реальность таким жёстким способом.

– Чего-то я не учитываю, – вслух проговорил Ста-Пан.

Соседний кокон вириала раскрылся, на него, прищурясь, посмотрел серокожий трёхглазый великан, известный Ста-Пану как комба Оллер-Бат. Он был атлантом, родившись на Земле за двадцать тысяч лет до войны Атлантиды и Гипербореи, то есть первого и второго Равновесий. Ста-Пан уже встречался с ним много лет назад и теперь с любопытством оглядел странное лицо атланта, с одной стороны безупречных «греческих» линий, геометрически правильное, с другой – уродливое, напоминающее обличье робота, каким их показывали в фильмах конца двадцатого века.

«Приветствую коллегу», – прилетел мысленный «голос» Оллер-Бата.

«Здравия желаю, – вежливо ответил Ста-Пан. – Давненько мы не виделись».

«Мне донесли, что вы занимаетесь сбросом «больного» варианта, – не стал отвлекаться на пустопорожнее проявление вежливости Оллер-Бат. – И у вас возникли какие-то сомнения. Я могу помочь?»

Ста-Пан пережил неуютное чувство досады. Чтобы знать, чем он занимается, надо иметь возможность «подглядывания» за его действиями, а сделать это можно было только при постоянном подключении к стратегалу. Оллер-Бат явно использовал свои возможности комиссара не по назначению. Либо получил задание от самого фундатора понаблюдать за коллегой.

«Благодарю, я справлюсь», – кротко ответил Ста-Пан.

«Могу подготовить базовый тренд».

Ста-Пан с трудом подавил возникшее раздражение. Стало окончательно ясно, что Оллер-Бат получил приказ фундатора проконтролировать его работу. Почему-то главе СТАБСа было важно, чтобы изменение реальности, корректирующее действия марсианских Равновесий, а заодно и земных в будущем, произошло точно в соответствии с его расчётами.

«Я справлюсь», – сказал Ста-Пан твёрдо.

«Не отклоняйтесь от вектора воздействия, – посоветовал Оллер-Бат равнодушно, окинув лицо собеседника непроницаемым взглядом. – Это может стоить вам перехода на другой статус».

«А с чего это коллега печётся о моём статусе?» – поднял бровь Ста-Пан.

«Я предупредил». – Оллер-Бат выбрался из кокона, сделал два шага, исчез.

Ста-Пан задумчиво смотрел на то место, где стоял атлант. Вспомнилось чьё-то шутивное изречение: «Я пришёл к тебе с приветом, топором и пистолетом». Интересно, что заставило Оллер-Бата пойти на столь неординарный контакт? Обычно комиссары баланса не вмешиваются в дела коллег, поскольку уровень их ответственности исключительно высок и любой шаг не требует обсуждений. Задания им выдавал лично фундатор. Значит, Имнихь действительно беспокоился за точное осуществление своего распоряжения, порученного комбе Ста-Пану? Почему?

Ста-Пан с минуту наблюдал за игрой огней в центральном конгломерате сфер стратегала, означающей изменения реальности во всём объёме Регулюма и на протяжении всего временного интервала его существования, потом принял решение: захотелось посмотреть на своего «предка» Станислава Панова, родившегося на Земле и получившего задатки абсолютника уже в зрелом возрасте.

Однако с броском в «хрономогилу» пришлось повременить.

В голове комиссара тихо развернулся «буто́н» необычных ощущений: загорелась свеча, испустила клуб ароматного дыма, превратилась в огненную стрекозу с горящими фасетчатыми глазами...

Это был вызов фундатора.

«Слушаю, экселенц», – отозвался Ста-Пан.

«Вы исполнили поручение?» – раздался в голове комбы бесплотный мыслеголос.

«Ещё нет. Анализирую хост последствий».

«Передайте все материалы комиссару Оллер-Бату».

«Зачем? – удивился Ста-Пан. – Задание не настолько сложное, чтобы объединять усилия».

«Вам будет выдано другое задание».

Ста-Пан озадаченно потёр бровь.

«Не уверен, что это правильное решение, экселенц. Коней на переправе не меняют».

«Не понял».

«Это старая русская, нет, шире – земная пословица. Имеется в виду, что следует доделывать начатое дело, не изменяя условий выполнения задачи. Чем второе задание важней?»

«В обязанности комиссара входит беспрекословное подчинение фундатору, а не умение рассуждать. Жду вас в резиденции через три ареандра».

Ста-Пан автоматически перевёл термин в земные меры времени: выходило – через час с минутами.

«Хорошо, экселенц».

Мыслеголос Имниха растворился в тишине поля вневременной связи.

Ста-Пан ещё раз глянул на пульсирующую «сборку» хрустальных сфер в центре зала, сосредоточился на пробивании тхабс-линии в прошлое ещё на сто миллионов лет, чтобы предстать пред светлыми очами фундатора, и вдруг неожиданно для себя самого «свернул» в пространстве и времени.

Вышел он из тоннеля подбарьерного просачивания на Земле начала двадцать первого века, в том самом варианте реальности, который должен был уйти в сброс, то есть стать «хрономогилрой».

Сориентировался.

Трансформировал одежду таким образом, чтобы никто не обращал на него внимания.

Мысленным усилием запрограммировал водителя жёлтого «Фиата» с фонарём «Такси» на крыше. Сел в машину.

– Куда? – спросил осоловевший водитель.

Ста-Пан продиктовал адрес.

Такси влилось в плотный поток автомобилей на Ленинградском проспекте, с трудом выбралось на Третье кольцо, а оттуда на проспект Жукова.

Комба пожалел, что избрал этот вид транспорта, так как мог бы добраться до места назначения и с помощью волхваря. Но такси уже подъехало к дому, где жил его «параллельный родич», по сути – он сам, только лет на тридцать моложе.

– Свободен.

Такси уехало.

Ста-Пан поднял голову, глядя на многоэтажный дом на углу Карбышева и Жукова, где жил Станислав Панов. Прислушался к своим ощущениям.

Повеяло холодом. Пейзаж вокруг заколебался, словно был отражён в плёнке мыльного пузыря. Это означало, что операторы одного из земных Равновесий начали процесс коррекции реальности в данном хронопространственном ареале. Совпадение настораживало, так как появление комиссара СТАБСа в земных устойчивых временных «карманах» редко сопровождалось «плывуном». Здесь же явно намечалась зона сноса, или неизм, как называли такие зоны оперативники Равновесий, то есть необратимое изменение реальности.

Ста-Пан вызвал отсчёт времени: с момента вызова фундатора прошло полтора «независимых» часа. Неужели Имнихь, не дождавшись комиссара, сам решил изменить реальность в предназначенном к «похоронам» квисторе?

Дом перед глазами Ста-Пана исчез.

Это означало, что с подачи СТАБСа земные Равновесия запустили в прошлое отряд опе-ров, и те изменили милиссы главных участников событий – от строителей до жителей дома. В том числе – Станислава Панова.

«Гадство скособоченное! – подумал комба с некоторой растерянностью. – Что происходит? Чем угрожает фундатору и СТАБСу вообще неоперившийся абсолютник Стас Панов, если даже Имнихь заволновался и приказал изменить его родовую хронолинию? Причем – в хронике?!»

Никто на мысль комиссара не откликнулся.

Жизнь в данном конкретном уголке Москвы продолжалась как ни в чём не бывало. Люди не умели замечать происшедшие события, исчезающие в потоке времени как нереализованная иллюзия. Видели это лишь абсолютники, обладатели трансперсонального восприятия, такие как комиссар Ста-Пан.

Помедлив, он «катапультировал» себя в прошлое на глубину строительства дома, быстро проанализировал обстановку, вычислил тренд корреляции, используемый одной из систем Равновесия для изменения реальности. Однако с удивлением констатировал, что Равновесия не

имеют к тренду никакого отношения. Судя по всему, зону сноса организовывал СТАБС, хотя никакой информации об этом у Ста-Пана не было.

Тем не менее он проследил милиссы главных действующих лиц узла реальности, определил векторы вмешательства упырей – оперативников СТАБСа, вышел в нужное время и в нужном месте для защиты милиссы первого объекта... и нос к носу столкнулся с комбой Оллер-Батом.

Произошло это в селе Елизарове Ростовской области, недалеко от шатровой Никитской церкви, памятника русского зодчества шестнадцатого века. Здесь родился Никодим Макаровский, в будущем – директор строительной компании «Астикум», которая проектировала и строила дом на проспекте Жукова. В этом доме (исчезнувшем на глазах Ста-Пана) впоследствии поселилась семья Стаса Панова.

«Что вы здесь делаете, коллега?» – осведомился Оллер-Бат, применивший камуфляж-накидку, в которой он выглядел для окружающих как убеленный сединами старик.

Скорее всего он прибыл в Елизарово за мгновение до появления Ста-Пана.

«А вы что здесь делаете, коллега?» – мысленно ответил вопросом на вопрос Ста-Пан.

«Я выполняю поручение фундатора».

«Я тоже».

«Насколько мне известно, вы должны были сбросить в хроник вариант с потенциально опасным накоплением искажений реальности. Однако промедлили, и фундатор перепоручил это дело мне».

«В таком случае позвольте узнать, почему вы забрались в этот забракованный хроник?»

«Вы что-то имеете против?»

Ста-Пан в очередной раз подавил вспышку раздражения.

«Если я имею возможность отвлечься от дел, то вы – нет».

«Я и не отвлекаюсь. В задание входит ликвидация абсолютно всех возможных состояний ареала, опасных для стабильности Регулюма».

«Чем же опасен этот виртуал?»

«Я не обязан отчитываться перед вами, коллега, но я отвечу: реализация потенциалов данного виртуала ведёт к усилению одного из земных Равновесий. Его сброс необходим для компенсации воздействия на Регулюм упомянутого Равновесия».

«Я проанализировал историю квестора и не нашёл никаких опасных отклонений».

«Сообщите это фундатору. И не мешайте мне».

«А что случится, если помешаю?»

За спиной Оллер-Бата проявились из воздуха, уплотняясь, зыбкие тени, превратились в чёрные горбатые фигуры, напоминающие киберсолдат. Это были упыри, или устранители препятствий, предназначенные для устранения локальных временных узлов, а также для ликвидации любых живых и неживых объектов в авральные ситуации. То ли их послал фундатор, то ли Оллер-Бат предусмотрел появление препятствия в виде коллеги.

Конечно, Ста-Пан легко справился бы с любым из упырей, но их было семеро, полная монада зачистки, да и сам Оллер-Бат слабаком не был, поэтому на конфликт идти было нельзя.

Поскольку действие происходило днём посреди села, его жители, идущие по улице по своим делам, начали останавливаться, оторопело рассматривая «пришельцев из других времён». Однако ни группа Оллер-Бата, ни Ста-Пан не обратили на это никакого внимания. Устранялось воздействие на сознание людей легко: стоило комбе с его отрядом поддержки уйти в прошлое на пару минут, изменить намерение – не выходить в данной точке континуума, и весь вариант реальности становился иллюзорным, виртуальным, «сном» Вселенной. Словно его и не было на самом деле. Помнили бы о встрече в Елизарове только сами комиссары.

«Надо же, вы подключили к этому делу даже службу кризисного реагирования, коллега. Как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть и получить понижение по службе».

«Извольте удалиться из зоны сноса, коллега, – сухо сказал Оллер-Бат. – Вас ждёт фундатор».

«Подождёт, – с иронией поклонился Ста-Пан. – Я успею. Не перетрудитесь, коллега. Прежде чем выполнять поручения начальства, иногда полезно задуматься, что за этим последует. Советую...»

Один из упырей вдруг выстрелил из «длиннера».

Неяркая голубая стрела разряда вонзилась в грудь Ста-Пана, разбежалась по его невидимой защитной «кольчуге» сеточкой молний.

Ста-Пан мог бы ответить гораздо более эффективно, но не стал этого делать. Просто ушёл в тхабс-линию, возвращаясь на Марс, к резиденции фундатора.

«Ты отступил», – укоризненно покачала пальцем совесть.

«Не хватало ещё затеять драку с коллегой», – нахмурился комиссар.

«Тебе никогда не хватало настойчивости. И смелости».

«Я не трус!»

«И всё же ты отступил».

Ста-Пан остановился перед красивыми резными воротами в резиденцию.

«Я опоздал. Оллер-Бат начал сброс виртуала».

«Чтобы ликвидировать отставание, иногда стоит всего лишь изменить направление».

«Это ты о чём?»

«Не о чём, а о ком».

Ста-Пан подумал о своём «брате-предке», который должен был «угаснуть» в хронике вместе со всем пластом реальности. Что, если предупредить его? Дать выход в Регулюм? Может быть, спасётся? Он же потенциальный абсолютник.

«Ну, ты совсем дурак! – возмутился внутренний голос, вечный оппонент совести. – Тебя ликвидируют вместе с виртуалом! Фундатор уже понял, что ты колеблешься, не надёжен, и принял меры».

«А, чёрт с ним! – махнул рукой Ста-Пан. – Нельзя же всё время идти на поводу у обстоятельств. Я не инструмент в руках фундатора, я ещё и человек».

Ворота в резиденцию главы СТАБСа начали медленно открываться.

Но комбы Ста-Пана перед ними уже не было...

Глава 3 ПОВОРОТ

Утро началось с дождика, мелкого и тёплого. Но к восьми часам дождик кончился, туча ушла за горизонт, ограниченный многоэтажными громадами жилых башен, и в небе проглянуло солнышко, аккуратно меж двумя башнями над зданиями пониже.

Свистя на поворотах, промчался короткий, в три вагончика, монорельсовый поезд. Однако не ушёл далеко. Точно напротив старой Останкинской телебашни ахнул взрыв под опорой монорельсовой дороги, и в небо ввинтился тугой, огненно-рыжий, с белым просверком смерч огня и дыма.

Одно мгновение обомлевшие прохожие по обе стороны улицы смотрели на этот смерч, замедляя шаг, потом закричали, побежали врассыпную.

Начали останавливаться, кое-где сталкиваясь, автомашины.

Но мало кто из свидетелей взрыва бросился к виадуку монорельса, большинство, втягивая голову в плечи, торопливо проследовало мимо. Всем было ясно, что это теракт, ставший привычным в последнее время даже в Москве.

Ста-Пан угрюмо оглянулся, задерживая переход из одной точки пространства в другую. Помочь пострадавшим он уже не мог, а рассчитать изменение реальности, способное предупредить теракт, его никто не уполномочивал. Подобными делами должны были заниматься земные Равновесия. Хотя они, похоже, не справлялись с корректировкой процессов пльвуна третьей степени, в который превратился земной Регулюм после появления на Земле Терсиса – глобальной террористической системы. С ней не могли справиться спецслужбы ни одной из стран мира, в том числе – России. Но СТАБС, насколько знал Ста-Пан, это состояние социума устраивало, иначе он не поддерживал бы течение хрономейнстрима в этом направлении. Интересно, почему?

Ста-Пан задумался. Но время не ждало, и он заторопился по своим делам.

В течение последних двадцати четырёх часов он исколесил весь Регулюм, побывал на Меркурии, Уране и Плутоне, изучил всю метаисторию Равновесий, от первых плутонианских до земных, принявших эстафету у фазтонцев, посетил бифуркационные узлы мировой истории, где радикально менялась реальность, сшивалась пространственная ткань Регулюма, и, наконец, понял замысел фундатора.

Имнихь просто-напросто хотел остаться у власти вплоть до стохастического Предела, то есть до исчезновения Регулюма в «квантовой пене» вакуума при достижении им предельно допустимых искажений реальности. Мало того, он явно стремился освободиться от контролирующего влияния Метакона, для чего и предпринял атаку на все потенциально релевантные, то есть обладающие запасом жизненных сил варианты реальности, сброшенные в «тупики времени» – «хрономогилы». До Имниха этого не делал никто из его предшественников. И только теперь Ста-Пан понял, почему фундатор не передал свои полномочия кому-то из мощных лидеров Равновесий на Земле, как это делали все фундаторы до него: ураниец Уб-Су-Нуур, нептуниец Моофоор, фазтонец Йаваспоньмаа.

Получалось, что СТАБС, ведомый марсианином, чья цивилизация давно прекратила существование, как и несколько других до неё, поддерживал не стабильное развитие Регулюма, а его стагнацию! И возможно, именно поэтому Метакон, отвечающий за систему регулюмов – Галактику, перекрыл сотрудикам СТАБСа и земных Равновесий походы в будущее выше середины двадцать первого века.

В голове зародился «лязг» хронопробоя. Ста-Пан без рассуждений задавил «почку» внепространственной связи.

Имнихь звонил (если пользоваться земным термином) ему несколько раз, но комба не отзывался. Отчасти, потому что ему нечего было сказать главе СТАБСа, пришлось бы оправдываться, а этого он не любил. Но больше он опасался пеленгации канала связи и появления монады охотников-упырей, способных гнаться за жертвой по всем временам Регулюма.

В очередной раз не ответив на вызов фундатора, Ста-Пан прогулялся по парку в Сокольниках, поглядывая на веселящуюся молодёжь, ведущую себя, по его мнению, слишком раскованно. Потом окончательно сформировал план дальнейших действий. Решение дать знание происходящего своему «параллельному предку», Станиславу Панову, показалось комбе самым верным. Возможно, молодой Панов, обладающий задатками абсолютника, сможет дойти до цели и не совершить тех ошибок, которые наплодил Ста-Пан. Точно так же десятки лет назад поступил инба Цальг, передав эйконал – пакет информации о реальном положении дел в Регулюме молодому Ста-Пану, тогда еще Стасу Панову, директору издательства «Дар», который в тот момент совершенно не интересовался Вселенной и не собирался становиться абсолютником. И комиссаром СТАБСа.

Мысль о Пределе вернулась снова.

Ста-Пан заколебался: не хотелось терять время на изучение проблемы. И всё же проверить свои сомнения стоило.

Он зашёл в общественный туалет в уголке парка и оттуда, чтобы никто не видел его исчезновения, стартовал в тхабс-режиме в будущее. На всю доступную ему «длину» хроношага. И чуть не потерял сознание от мощного удара!

Удар был ощутим каждой клеточкой тела, каждым нейроном, боль едва не заставила комиссара кричать, однако он удержался.

Кровавая пелена в глазах рассеялась, он стал видеть.

Назвать помещением это геометрически сложное пространство, в котором он оказался, было трудно. Точно так же это странное пространство нельзя было назвать и пейзажем или территорией. Оно не было ни горизонтальным, ни вертикальным, вообще физически осязаемым, хотя при этом глаза видели какие-то протяжённости, необычные формы, а другие чувства отмечали земную силу тяжести, приятное освещение при полном отсутствии источников света, вкусный воздух, которым хотелось дышать, с едва различимыми запахами луга и леса, и ласкающий кожу лица ветерок, опять же ощущаемый при полном отсутствии колебаний воздуха.

Ста-Пан осмотрелся, двигаясь осторожно и медленно.

Сам он никогда не забирался в будущее до Отражающего Предела, но по рассказам очевидцев, с которыми беседовал не раз за время становления абсолютником, знал, что каждый видел при этом с в о ё, рождённое собственной фантазией и сферой обострённых чувств. И ни один из путешественников во времени, кроме разве что инбы Цальга, – о чём у Ста-Пана сохранилась информация, – не встречал при достижении Предела ни одного представителя Метакона. Путешественников просто игнорировали, не пускали в будущее без всяких объяснений, и данное обстоятельство обижало и смущало умы больше, чем неудача.

В своё время Ста-Пан читал фантастический роман «Конец Вечности», автор которого ¹ не был абсолютником, но был допущен к тайнам деятельности Равновесий. Правда, жил этот автор в одном из сброшенных в «хрономогилу» вариантов реальности, потому его Равновесие и называлось Вечностью. Но сути дела смена названий не меняла. В романе путешественники во времени, сотрудники Вечности, тот же техник Харлан, также не могли проникнуть в реальность Регулюма в определённые времена. И хотя автор позволил себе некие неправдоподобные допущения, адекватно объяснявшие, с его точки зрения, проблему контроля времени – и всего Регулюма, он был близок к её решению: служителей Вечности-Равновесия тоже не пускали в свои времена разумники, достигшие определённого уровня развития.

¹ Айзек Азимов.

В романе Вечность действительно умерла как регулирующая реальность система. Её уничтожил всего один человек. Но Ста-Пан точно знал, что в действительности всё значительно сложнее, а он вовсе не считал себя таким сильным и решительным разумником, как техник Харлан.

Тишина, текущие – если на них не смотреть – формы необычного пространства, запахи... показалось или нет, что запахи изменились?

Ста-Пан стремительно оглянулся и успел заметить нечто вроде человеческой фигуры, одетой в белое сияние.

– Кто здесь? – негромко позвал он.

– А кого бы ты хотел увидеть? – раздался ниоткуда мягкий бархатный баритон.

– Не знаю, – честно признался Ста-Пан. – Того, кто смог бы ответить на мои вопросы.

– Их у тебя много?

Ста-Пан помедлил.

– Важных – два.

– Задавай.

– Кто перекрыл нам путь в будущее?

– Вы сами, люди.

У комиссара едва не сорвался с губ вопрос, связанный с первым: то есть как это мы, люди? Но он вовремя остановился.

– Ваш ответ допускает много вариаций.

– Выбери любую.

– Мне надо подумать. Если нас не пускает Метакон, возможно, в его рядах есть и люди. Но если за Отражающим Пределом человечество ждёт некая катастрофа, то Регулюму конец, а мы действительно являемся его могильщиками.

– Здравое рассуждение. Хотя существует и правильное.

– Значит, я... не прав?

– Это уже третий вопрос. Замечу лишь, что ты лукавишь, и тебя больше волнует твоя собственная судьба. Нет?

Ста-Пан выпрямился, пригладил пальцем шрам на виске.

– Я думал о другом. Хотя... возможно, вы правы.

– Твоя судьба в твоих руках. Как и судьба Регулюма, кстати. Подумай лучше об этом.

– Я один...

– Так найди спутника.

– Мне кажется, мы уже встречались...

– Совершенно верно, невыключенный.

– Дервиш!

– Я уже не Дервиш.

– Ангел...

– И не Ангел. Это земной термин, и в настоящее время он не отражает моей сути. Регулюмом в нашей епархии занимается другая сущность. Однако мне пора.

– Вы... ждали меня здесь... специально?

– Нет, конечно, так получилось. Когда-то ты меня сильно разочаровал...

– Тридцать с лишним лет назад?

– ...и я решил посмотреть на тебя поближе. В принципе, у тебя ещё есть шанс.

– Какой?

– Прощай.

В танцующих формах просиял абрис человеческой фигуры, на Ста-Пана глянули прозрачно-голубые – Дервиш! Ни с кем не возможно спутать! – глаза, и пространство «тамбура встреч», образованное создателями Предела, опустело.

Ста-Пан вдруг почувствовал такую острую тоску, что едва не разревелся. Смахнул рукой слезу, с удивлением посмотрел на мокрую ладонь.

Шанс... Дервиш сказал, что у него есть шанс... а ещё он сказал, что он уже не Ангел... Как это понимать? Какие люди установили Предел? Что произойдёт в середине двадцать первого века?..

– Вы задаёте слишком много вопросов, комиссар, – вслух проговорил Ста-Пан. – Дервиш сказал, что судьба Регулюма в моих руках. Что это означает?

Это означает, заговорил внутри него тихий печальный голос, что тридцать лет назад ты струсил. И весь Регулюм в результате свернул не в то русло. Эту ситуацию ещё можно исправить.

– Как? – снова вслух произнёс Ста-Пан.

Думай, комиссар. Вернись в тот самый свёрнутый виртуал, помоги самому себе сделать правильный выбор.

Ста-Пан закрыл глаза, чувствуя горечь и облегчение одновременно. Вспомнились чьи-то слова: самому себе надо врать только чистую правду.

Комба наметил усмешку и превратился в «пикирующий» во времени тхабс-файл.

* * *

Никогда прежде он не работал так интенсивно, заменяя собой целый аналитический отдел СТАБСа. Проверил все хроники на предмет присутствия в них нужных ему людей. Убедился, что всего три из них соответствуют необходимым условиям, главным из которых было присутствие Станислава Панова. Подготовился к непредвиденным встречам.

Фундатор перестал звонить, и это означало, что он принял соответствующие меры по ограничению поля деятельности своего подчинённого.

Двадцать шестого августа две тысячи тридцать седьмого года по земному летоисчислению Ста-Пан отправился в поход, прекрасно осознавая, что может из него и не вернуться.

Первым пунктом в плане похода стояло посещение «хрономогилы», где молодой Станислав Панов был бойцом армейского спецназа и мог вполне адекватно воспринять нужную информацию.

Однако и противодействующая система, включённая фундатором, не дремала, поэтому первым, кого увидел Ста-Пан, опустившись «вниз» по хронолинии при достижении хроника, оказался Оллер-Бат. Судя по всему, он предвидел появление коллеги в точке милиссы, где объекту воздействия, то есть Станиславу Панову, исполнилось тридцать лет.

Произошло это событие в том же районе Москвы, на проспекте Жукова, во дворе дома, где проживал Панов; практически во всех вариантах бытия, сброшенных по тем или иным причинам в «хрономогилы», Пановы жили именно здесь. За очень редким исключением.

Оллер-Бат, трёхметровый серокожий гигант с тремя глазами – два как у человека, третий – чуть выше переносицы, – не прятался от любопытных взглядов прохожих, уже начавших скапливаться во дворе. Чувства людей, проживающих на Земле «похороненного» виртуала, его не волновали. Всё равно этот вариант бытия ожидало тихое угасание в «коконе вечного настоящего». Будущего у него не было.

«Какая неожиданная встреча», – съязвил Оллер-Бат, выходя из-за трансформаторной подстанции во дворе дома.

Тотчас же слева и справа от него проявились в воздухе чёрные фигуры упырей, действительно напоминающих современных солдат в спецкомбинезонах. Отличали их от последних только горбы хаб-генераторов на спинах.

«Вы уже побеседовали с фундатором, коллега?» – продолжал атлант.

Ста-Пан понял, что в этом хронике спасти «самого себя в молодости» не суждено.

«Жаль», – сказал он грустно.

«Чего жаль?» – не понял Оллер-Бат.

«Что и ограниченные существа имеют неограниченные возможности».

«Это вы о ком, коллега?»

«Это я о вас, коллега».

Оллер-Бат шевельнул пальцем.

Его свита направила на Ста-Пана стволы «длиннеров».

«Я отвечу, – предупредил Ста-Пан, – и вам это не понравится».

«Мне даны полномочия...»

«Да плевать мне на твои полномочия! – перебил комбу Ста-Пан. – Я набью тебе морду без всяких полномочий... если понадобится. Но прежде чем мы перейдём черту интеллигентного разговора, хочу попросить: не трогай милиссу моего родича в этом хронике».

«Задание фундатора предусматривает полное стирание всех ваших хронокопий, коллега».

«Вот я и прошу оставить одну».

«Это невозможно».

«Тогда я вас уничтожу, друг мой».

Оллер-Бат не сделал ни одного движения, но все пять упырей разрядили в Ста-Пана свои «длиннеры». Сверкающие потоки электрических молний вонзились в тело комиссара, одели его фигуру слоем пушистых гаснущих звёздочек.

«Я же предупреждал, что отвечу!» – мрачно сказал Ста-Пан.

Над его плечами выросли турели «вурмов» (оружие было создано ещё фаэтонцами, но Ста-Пан не поленился опуститься во времена процветания цивилизации на Фаэтоне и вооружиться), шипастые стволы «вурмов» плюнули пять раз подряд с интервалом в тысячные доли секунды пятью «каплями» особого поля, изменяющего количество измерений пространства, и упыри, не ожидавшие отпора, потеряли трёхмерность, превратились в плоские «картинки», потекли на асфальт дымными струйками.

Оллер-Бат посмотрел на «сдвинутых в двухмерие» соратников, перевёл взгляд на противника.

Над его головой выросло чешуйчатое «рыло аллигатора».

Ста-Пан не сразу признал в нем ствол более грозного оружия, чем обладал сам. Это был «вепрь» – вакуумпреобразователь, против которого комба был бессилён. «Вепря» у него не было. И, насколько он понимал ситуацию, наличие вакуумпреобразователя действительно подтверждало наличие у Оллер-Бата очень больших полномочий.

«Вы намерены меня остановить, коллега?» – вежливо спросил комиссар.

«Я намерен вас ликвидировать, коллега», – ответил без всякой дипломатии Оллер-Бат.

«Кишка тонка!» – Ста-Пан перешёл в тхабс-режим и выбрался в основной поток «мейн-стримовского» бытия. Подождал немного, прислушиваясь к своим ощущениям. Но атлант не последовал за ним, хотя наверняка имел пеленгатор, способный по «дырам» в потенциальных барьерах, то есть по следам в пространстве и времени, определять точное местоположение абсолютника.

Ладно, дружище, мы ещё поговорим на равных, пообещал Ста-Пан мысленно. Я знаю, где можно раздобыть «вепрь».

Он спохватился: время уходило. А Оллер-Бат всегда педантично выполнял задания фундатора.

Ста-Пан полюбовался на растущую ввысь Москву с крыши одной из башен Сити-центра и перенёс себя в облюбованный им виртуал, где тоже существовал Станислав Панов. Но не спецназовец. Этот Стас Панов закончил Харроу-скул в Великобритании, одну из самых пре-

стижных школ мира, затем ведущий международный образовательный центр – Университет Варвик, получил степень бакалавра экономики и международного бизнеса и в настоящее время являлся членом совета директоров ЗАО «Русский арктический шельф».

В принципе, в своё время Ста-Пан, до получения эйконала от инбы Цальга, тоже не имел понятия о навыках абсолютника, о воинских искусствах и об истинном мироустройстве. И у него ещё сохранялась надежда, что Оллер-Бат придёт в этот виртуал ликвидировать милиссу Панова в последнюю очередь.

Так оно и оказалось.

«Забракованный» земными Равновесиями и СТАБСом вариант реальности, в котором обитал молодой директор ЗАО «Русский арктический шельф» Станислав Панов (проверить родовую хронолинию на всю её глубину Ста-Пан не стал), продолжал жить своей жизнью, хотя никто из обитателей Регулюма не знал, что их ожидает.

Ста-Пан прибыл в нужное место и в нужное время по местным хроноизмерителям, осмотрелся, быстро определил координаты Панова и вышел в определённый им самим «перекрёсток встреч». Но ему пришлось сначала потратить какое-то время на защиту милиссы Панова контрфайлом, особой программой, не позволяющей не сбыться важному событию – появлению на свет Панова-младшего, и лишь после этого он заявился к Станиславу в гости.

Глава 4

МЕФИСТОФЕЛЬ

Несмотря на чрезвычайно холодную зиму, Стас находил время и место, чтобы заниматься спортом: он с молодых лет хорошо бегал и прыгал, участвовал в легкоатлетических соревнованиях, затем увлёкся настольным теннисом и достиг в этом виде спорта неплохих результатов – стал мастером спорта. Поэтому, влившись в двадцать пять лет в коллектив совета директоров «Русского арктического шельфа», он везде, куда бы ни забрасывала его судьба, даже в Норильске или Хатанге, первым делом организовывал себе спортивный досуг. Так, в Воркуте Панов помог восстановить в местном спортклубе секцию тенниса, а в Диксоне вообще добился постройки спортзала, где также начал работать зал для занятий теннисом.

Компания «Русский арктический шельф» занималась разработкой месторождений газа и нефти в Карском и Баренцевом морях, там, где были обнаружены огромные запасы углеводородов. Дипломатическая, юридическая и политическая война между США, Россией, Норвегией и Канадой к этому времени уже закончилась, Северный Ледовитый океан был поделён между этими державами так, как и предлагала Россия ещё в начале двадцать первого века. Но Россия начала освоение Севера первой, и её успех на этом поприще был неоспорим. А первой строительство специальных платформ как раз и начала компания «Русский арктический шельф».

Станислав Панов, естественно, не был «приблудным» специалистом, взятым на работу за «умственные» и прочие достижения. Успех его объяснялся просто: президентом компании являлся Глеб Севостьянович Панов, дед Стаса, который побеспокоился и о досуге, и об образовании, и вообще о будущем внука. При этом все отмечали честность и открытость молодого директора, успевшего всего за полтора года работы показать себя талантливым организатором и грамотным специалистом. Говорили, что перед ним открыты самые широкие перспективы, вплоть до замены Панова-старшего на его посту. Правда, никто не спрашивал у Станислава, кем он хочет стать и чем заниматься. Подразумевалась именно такая линия жизни – вперёд, к президентскому креслу.

Между тем самому Стасу становился скучен его выбор. Душа жаждала иного, а чего именно, он и сам не знал. К тому же всё чаще ему начинало казаться, что он испытывает дежавю: то вдруг вспомнится событие, которое якобы уже было пережито им в прошлом, то появится здание на том месте, где его не было, то исчезнет человек, которого он раньше хорошо знал. Стас даже порывался обратиться к врачу, но не хватало времени. Жизнь директора большой компании почти не оставляла места на решение личных проблем. Он даже с девушками встречался редко, отчего постоянной пассии у него до сих пор не было. Правда, с месяц назад он познакомился с одной на званом ужине в честь двухлетия компании, и она ему понравилась. Звали девушку Дана, была она дочерью известного банкира и, судя по всему, к замужеству не стремилась. Однако и продолжать знакомство не горела желанием. На звонки отвечала, в рестораны ходить не отказывалась, но дальше этого отношения развивать не хотела.

Стас, не привыкший к долгому ухаживанию, пригласил Дану к себе домой: жил он в Москве, на проспекте Жукова, – получил вежливый отказ и разозлился. До этого момента девушки ему отказывали редко, точнее, не отказывали вовсе, и уклончивые слова Даны «как-нибудь в другой раз» задели его самолюбие.

Но тут пришлось в очередной раз лететь в северную штаб-квартиру компании в Диксоне, и Стас на время отложил свои планы «покорения гордой вершины».

В Диксоне, расположенном в устье Енисея, неожиданно оказалось теплее, чем в Москве, – всего около пятнадцати градусов ниже нуля. Поэтому, закончив дела, Стас решил сначала пойти покататься на коньках по замёрзшему Енисею, потом передумал и отправился в центральный городской спортклуб вместе с двумя приятелями, сотрудниками местной администрации.

Они с удовольствием погоняли шарик по столу в теннисном зальчике, посидели в баре, и Стас поехал в гостиницу «Север», где ему был снят роскошный трёхкомнатный «люкс». Гостиница была старая, построенная ещё лет двадцать назад, но ей был надстроен верхний этаж для VIP-гостей с люксовыми номерами, и Стасу нравилось останавливаться здесь, несмотря на ощутимый налёт провинциализма. Всё-таки это был не «Мариотт-отель» и не мюнхенская «Бавария», в которых останавливался Панов, если приходилось посещать Европу.

Он отослал охрану, принял душ, постоял на балконе, любуясь панорамой освещённого города и ледяным полем Енисея с высоты седьмого этажа. Потом вернулся в номер... и обнаружил, что в гостиной его дожидается незванный гость.

Первой реакцией Стаса было схватиться за мобильник и вызвать охрану. Однако гость вёл себя смирно, никак на жест хозяина не прореагировал, и Стас успокоился. Также внимательно взгляделся в незнакомца, вдруг находя в нём некие знакомые черты.

Гость был плотен, уверен в себе, глаза у него были голубовато-серые, как и у Станислава, губы твёрдые, того же рисунка, лоб высокий, а волосы были короткие и седые. И он очень кого-то Стасу напоминал.

– Кто вы? – спросил он наконец. – Как здесь оказались? Я вроде бы закрывал дверь на ключ.

– Здравствуй, директор, – заговорил незнакомец, вставая и оказываясь одного роста со Стасом; по губам его скользнула улыбка. – Не узнаёшь?

– Н-нет, – ответил Стас, начиная догадываться.

– Я комба Ста-Пан, в глубоком прошлом Станислав Кириллович Панов. А значит, твой...

– Брат? – тупо спросил Стас, спохватился: – Дядя?

Ста-Пан белозубо засмеялся.

Стас покраснел, сказал сердито:

– Всё равно не понимаю! Вы... из будущего, что ли?

– В общем-то, ты близок к истине, братец. – Ещё одна лёгкая усмешка. – Хотя на самом деле я из мейнстрима, базового ствола Регулюма.

– Откуда? – не понял Стас.

– Присядем, поговорим.

Стас осторожно присел на краешек кресла, чувствуя тихий эйфорический звон в ушах. Показалось на мгновение, что он уже видел где-то гостя, то есть – самого себя из какого-то «мейнстрима», и случилось это наяву, а не во сне.

Наблюдавший за ним Ста-Пан кивнул.

– Мы встречались дважды: год и десять лет назад. Я был вынужден устранить кое-какие обризм твоёй милиссы, чтобы нынешняя наша встреча состоялась.

– Что такое обризм?

– Обризм – это обратимое хроноизменение. У меня мало времени, поэтому сначала займёмся твоим фундаментальным образованием. Вопросы будешь задавать потом.

Ста-Пан выудил из нагрудного кармана атласной чёрной куртки блестящий кружок, напоминающий монету, с какими-то знаками с обеих сторон, потёр его пальцем, и «монета» заблестела сильнее.

– Приложи к виску.

– Что это?

– Эйконал. – Гость остановил открывшего рот Станислава открытой ладонью. – Повремени с вопросами.

– Пока не скажете, что это за фигня, ничего делать не буду! – упрямо заявил молодой человек.

– Это у нас фамильное, – кивнул Ста-Пан. – Я имею в виду упрямство и трусость.

– Я не трус! – вспыхнул Стас.

– Надеюсь. Эйконал – это пакет информации об истинном мироустройстве. Рассказывать обо всём – долгая процедура, эйконал «всасывается» в подсознание практически мгновенно. Я его немножко усовершенствовал, и большая часть информации оседет в твоём сознании. Мне в своё время было сложнее воспринимать такой же объём данных.

– Но я... зачем мне это всё?

– Ты абсолютник, я проверил, а значит, способен видеть реальные изменения матрицы Регулюма.

– Мне это ни о чём не говорит. И я не собираюсь становиться чьим-то зомби.

– Ты не станешь зомби. Остался бы человеком. Возьми эйконал, он будет подчиняться тебе, а не ты ему. И не бойся подвоха, ты просто станешь понимать то, что считал раньше сдвигом психики.

Стас вспомнил свои странные сомнения насчёт адекватности собственного восприятия: ведь было на самом деле, происходили вокруг какие-то события, которые он принимал за эффект дежавю.

– Откуда вы...

– Знаю. Сам пережил нечто подобное.

Стас взял из руки гостя «монету», удивляясь её лёгкости и приятному холодку. Помедлил. Вздохнул, пытаясь унять расхолодившееся сердце. И прижал «монету» к виску.

Сначала ничего особенного не происходило, «монета» нагрелась до температуры тела, стала неощутимой.

Потом в голове Стаса развернулась, стремительно расширяясь, бездна странного света, и он даже не обратил внимания на то, что «монета» растаяла и дымком всосалась в кожу на виске.

Ощущение быстрого погружения в бездну...

На мгновение стало трудно дышать, но это ощущение тут же прошло, Стаса закружила волна разных ощущений, от приятных до изумительно сладостных...

Мимо промчались цепочки огней, каждый из которых нёс в себе некий непостижимый смысл иного бытия...

Ещё одна паутинка света впереди развернулась огненным крылом, Стас вонзился в это крыло, его охватило нежгучее голубое пламя, сознание рванулось испуганной птицей, и он внезапно понял, что с ним происходит...

Образы неведомого вошли в голову и начали складываться в затейливый узор понимания реальности...

Сколько времени продолжалось его «падение», он не помнил. Показалось – вечность!

Стас взвился с кресла, бурно дыша, завертел головой, не понимая, куда попал, и заметил стоящего напротив с бокалом сока гостя.

– Вы... вы...

– На, глотни. – Ста-Пан протянул ему бокал.

Станислав одним глотком осушил бокал. Закрыл глаза, открыл, посмотрел на свою дрожащую руку. Осторожно сел.

– Это сон!

– Возможно.

– Этого не может быть!

– Потому что не может быть никогда, – в тон ему отозвался Ста-Пан.

Станислав поднял голову.

– Не могу поверить...

– Засеки время.

Стас машинально глянул на часы, хотя после слов «родича» у него в голове тотчас же загорелись и погасли цифры: двадцать два сорок четыре.

– Большинство людей, – продолжал Ста-Пан, – принципиально не может ощущать одновременно всё своё тело, только отдельные органы – руку, палец, ухо, нос. Сконцентрируйся и почувствуй сразу всего себя.

Стас послушно сосредоточился на своих ощущениях.

В сферу нового понимания вошли руки, грудь, шея, потом голова, глаза, уши. Труднее было вобрать в себя сигналы от внутренних органов, но и с этим он справился в конце концов... и на голову молодого человека обрушились вселенские темнота и тишина!

Испугавшись, он шагнул обратно, выбрался в свет и в океанский прибой разнообразных звуков. Самыми оглушительными среди которых было биение сердца и гул крови в ушах.

– Засеки время, – будничным тоном проговорил Ста-Пан; оказалось, что он стоит у окна и потягивает тоник.

Станислав поднёс к глазам часы, пробормотал:

– Десять... сорок три минуты одиннадцатого...

Ста-Пан поиграл бровью.

Станислав сглотнул.

– Не может быть!

– Ты научился выходить из потока времени. По сути, это иллюстрация возможностей абсолютника. В дальнейшем ты научишься менять диапазоны восприятия от двухмерия до четырёхмерия и пользоваться волхварём. Или тхабсом, как чаще называют способ преодоления потенциальных барьеров.

– Пространства...

– Совершенно верно, и времени. На какое-то время я покину тебя. Прислушивайся к себе, приспосабливайся к новому мироощущению, наблюдай за всем, что происходит вокруг, и потихоньку осваивай раскрытые способности. Так, чтобы этого никто не замечал. И последнее: учуешь слезку за собой – сразу зови!

– Как?

– Просто вспомни обо мне.

Станислав заторможенно потёр лоб, слабо улыбнулся.

– Рехнуться можно!

– Лучше не надо, – серьёзно сказал комба. – Иначе все мои усилия пропадут даром.

– Да, конечно... что вы имеете в виду?

– Мы ещё поговорим об этом. Приходи в себя.

Ста-Пан похлопал Станислава по плечу и исчез.

Впрочем, Станислав не обратил на это внимания. Он прислушался к себе, замечая то, что никогда раньше не замечал, мимолётно убрал боль в пальце на правой руке, который едва не вывихнул во время игры в теннис. Покачал головой, вдруг осознав это. Пробормотал сдавленным голосом:

– Интересно, что он потребует взамен... Мефистофель хренов?

Никто ему не ответил. Комба Ста-Пан из «мейнстримовского» ствола Регулюма был в этот момент далеко отсюда.

* * *

Два дня он действительно приходил в себя, медленно осваивая новые возможности ума и тела. Ловил на себе косые взгляды коллег по работе, пугался, делал вид, что болеет: простыл вот, насморк, понимаете ли, температура высокая. Склероз открылся кое-где. Однако всё же научился владеть собой и на третий день, уже будучи в Москве, окончательно приспособился к ощущению вседозволенности. Во всяком случае, он мог теперь не только быстрее бегать, выше прыгать, видеть в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах, но и думать быстрее. Хотя главным ощущением так и осталось ощущение распахивающейся под ногами бездны. Не физической – бездны знаний в первую очередь.

Единственное, что почему-то никак не давалось, – это выход в тхабс-режим. Как Стас ни пыжился, как ни старался, преодолеть какое-то расстояние с помощью «тоннельного подбарьерного просачивания» не смог. Разозлился на себя, конечно, и даже разочаровался в своих «сверхспособностях», однако занятия не бросил и продолжал прилежно изучать мир «по ту сторону» человеческих возможностей. Что такое абсолютник, он уже понял. Не понимал только, почему мир, в котором он живёт, называется виртуалом или «хрономогилей». Сведения об этом в его памяти пока не проявлялись.

Зато Вселенная заиграла новыми красками, а слова: Матрица Мироздания (не имеющая никакого отношения к фильмам «Матрица» от первого до шестого), Регулюм, Метакон, СТАБС, «виртуальный снос», стратегал и хроноген – вообще звучали в ушах интригующей, захватывающей воображение музыкой. Не хватало лишь практического опыта в освоении этих понятий.

В воскресенье тринадцатого февраля пришлось снова лететь в Диксон.

Станислав попытался «возбудить себя» до состояния тхабс-перехода, у него снова ничего не вышло, поэтому он в течение всего полёта разбирался в информации, заложенной в памяти с помощью эйконала Ста-Пана. Интуиция заворчала, когда мимо кресла уже второй раз проковылял инвалид, замеченный им ещё во время посадки в самолет.

Сработали инстинкты. Вспомнились слова Ста-Пана о возможности слежки. Однако он ещё некоторое время проверял свои ощущения, пока не убедился в их достоверности. Инвалид действительно поглядывал на него время от времени (он сидел чуть впереди и сбоку), явно проявляя к Панову некий необычный интерес. А когда в аэропорту Диксона к нему присоединился молодой парень в модной блестящей куртке, и оба они странным образом всё время оказывались за спиной Станислава, вплоть до его посадки в присланный за ним джип «Порше Раптор», Станислав окончательно понял, что за ним следует «хвост».

Он сел на заднее сиденье джипа, оглянулся.

Инвалид и парень проводили джип глазами, скрылись за толпой встречающих и пассажиров, выходящих из здания аэропорта.

Станислав вздохнул с облегчением.

Один из его телохранителей заметил его состояние.

– Что-нибудь не так, Станислав Кириллович?

– Нет, всё нормально, – с опозданием ответил он, взвешивая, вызывать комбу Ста-Пана или нет. Решил повременить. И, как оказалось, напрасно.

Уже у въезда в город джип остановили сотрудники ДПС. Один из них приблизился к джипу, козырнул, и Станислав, холодея, узнал в нём инвалида, с которым летел в Диксон.

– Гони! – выдохнул он онемевшими губами.

Водитель с недоумением оглянулся на него.

В этот момент инспектор (как он успел опередить их, да ещё переодеться?!) наклонился, заглянул в салон машины и быстро направил на Панова полосатую палку.

«Ста-Пан!» – крикнул внутрь себя Станислав.

Охранник, демонстрируя великолепную реакцию, всунулся между ним и полосатым жезлом, поэтому розовая молния разряда, сорвавшаяся с торца жезла, вонзилась ему в шею. Охранник ахнул, откидываясь.

«Длиннер!» – успел подумать Стас.

Затем в нём заговорили инстинкты.

Он рванул ручку дверцы, уклонился от следующего разряда, переходя в темп (термин сам собой возник в гулком пространстве головы), нырнул из машины на асфальт, попытался подкатиться под днище джипа.

Инспектор, не меняя выражения лица (упырь, блин!), шагнул к нему, направляя жезл в лоб Станиславу... и улетел в кусты на обочине дороги от сильнейшего удара.

Стас повернул голову, узнал в появившемся ниоткуда человеке комбу Ста-Пана, вскочил на ноги.

К ним бежал второй инспектор ДПС, тот самый молодой парень, что присоединился к инвалиду в аэропорту, на ходу выращивая из плеча турель какого-то оружия («универсал», седьмая модель, стреляет плазменными и лазерными «пулями»), и ещё двое милиционеров выскакивали из стоящего неподалёку «Хаммер Аллигатора». Это была засада, надо было бежать или драться, но Стас драться не хотел, а бежать не мог, и он сделал то, что умел: вышел из потока времени. Ненадолго, на несколько мгновений.

Время для него остановилось.

Движение вокруг замерло.

Лишь Ста-Пан, знавший своего «младшего брата-близнеца», сделал то же самое и остался рядом.

«Готов к переходу?» – послышался его мысленный голос.

«Я... не знаю... не смогу...» – пискнул в ответ Станислав.

«Сможешь, держись за меня!»

У машины снова проявились из воздуха сотрудники ДПС, вооружённые полосатыми жезлами и пистолетами.

Стас отчаянно вцепился в плечо Ста-Пана, и на голову ему обрушился чёрный базальтовый монолит!

Сознание растворилось в грохоте и гуле.

Появилось ощущение полёта, потом стремительного падения.

Вокруг замелькали потоки зелёных искр, похожих на на какие-то незнакомые символы.

Удар!

Стас лязгнул зубами, но плечо спутника не выпустил... и вдруг осознал, что держится вовсе не за плечо, а за обломок настоящей скалы, рядом с которой он оказался.

– М-мать вашу!

– Отпусти, – прилетел откуда-то издалека тихий голос, не мысль – звук. – Подожди, я сейчас.

Стас с трудом разжал сведённые судорогой пальцы, повертел головой, ища глазами спутника.

Он стоял на узкой площадке рядом с бугристой трубой, круто изгибающейся кверху. Площадка обрывалась в пропасть, а там, внизу, простирался странный пейзаж, мало напоминающий земной.

Оранжевые, жёлтые, коричневые холмы, широкие ущелья, прорезающие выпуклые поднятия, песчаные плечи, рябь метеоритных или вулканических воронок. Недалёкий горизонт. Зеленоватое, с сиреневым отливом по горизонту небо. Неяркий жёлтый кружок над горными вершинами – солнце.

– Марс! – прошептал Стас.

Ста-Пан не отозвался. Рядом его не было.

А Стас действительно разглядывал суровый ландшафт Марса, каким его увидели земные космические аппараты.

Здесь почти нет воздуха, шевельнулась в голове робкая мысль.

Как же я дышу? – задал он сам себе вопрос.

Витасфера...

Стас вспомнил, что он абсолютник, способный создавать вокруг себя витасферу, индивидуальную зону жизнеобеспечения. Значит, Ста-Пан не ошибся в нём, раз витасфера возникла без всяких усилий с его стороны?

Он прошёлся по площадке, более внимательно вглядываясь в детали пейзажа, ощущая в теле удивительную лёгкость: сила тяжести на Марсе была втрое меньше земной, – и вдруг обнаружил, что стоит не на обрыве скалы, а... на вершине гигантского изваяния!

То, что он принял за скалу с выступами, оказалось всего лишь частью рога, находящегося на голове какого-то зверя или, может быть, разумного существа, высеченного из целой горы. Полностью разглядеть это изваяние Стас, конечно, не мог, но догадывался, насколько оно велико.

– Дьявол!

– Ошибаешься, – раздался за спиной глуховатый голос комбы. – Это существо не имеет к земным нечистым силам никакого отношения.

Стас оглянулся.

По узкому балкончику, представлявшему собой переход рога в гигантский череп марсианского «дьявола», к нему приближался Ста-Пан, на плечах которого торчали турели с грозного вида стволами.

– «Универсал», – ткнул пальцем в один из стволов Стас, демонстрируя познания оружия. – А это марсианский «вурм».

– Здесь нам оставаться нельзя, – пропустил Ста-Пан мимо ушей реплику «родича». – Вообще этот виртуал ненадёжен, Оллер-Бат тебя вычислит.

– Кто такой Оллер-Бат? – полюбопытствовал Стас. – Инба, чисба? Упырь?

– Поэтому сейчас мы где-нибудь укроемся на часок, – продолжал Ста-Пан, не обращая внимания на речь спутника, – я объясню тебе ситуацию, выдам задание, и мы разбежимся.

– Задание? – с недоумением поджал губы Стас.

Комба несколько мгновений смотрел на него озадаченно, как бы вникая в смысл вопроса.

– Извини, я оговорился. Привык к этой терминологии. Вполне может быть, что ты не согласишься.

– С чем?

– С моим предложением. Идём отсюда.

Ста-Пан исчез.

Панов переступил с ноги на ногу, беспомощно огляделся.

Комба появился снова.

– Цепляйся за меня.

– Вы имеете в виду...

– Цепляйся мысленно, я научу тебя ходить волхварём.

Стас, сделавшийся пунцовым, мысленно взялся за руку Ста-Пана и вздрогнул, очутившись в знакомом тёмном колодце, пронизанном струями несущихся искр-символов.

Длилось это ощущение недолго.

В глаза брызнул тусклый оранжевый свет, и он выпал из эфемерного колодца в громадный зал с непривычной геометрией интерьера. Знакомыми формами здесь обладали только плоский пол и купол потолка.

В центре зала светилась дырчатая конструкция, состоящая из отдельных стеклянных нитей, похожая на огромную ёлочную игрушку.

Сила тяжести в зале была намного меньше земной, отчего Стас не сразу к ней приспособился, сделав два неожиданных «подлёта» при неосторожном движении рукой и ногой.

– Где мы?

«Это зал стратегала на одной из планет Солнечной системы, – мысленно ответил Ста-Пан. – Сам стратегал давно перенесен в другое место, а этот зал с периферическим оборудованием законсервировали на всякий случай. Не знаю, зачем. Присядем?»

Комба указал на каменные с виду метровые кубы на полу зала, возле перепончатых, изогнутых парусами стен.

– Постою, – отказался Стас, с интересом разглядывая интерьер зала. – Кто его строил?

«Если ты имеешь в виду стратегал, то он выращивался как живой организм. Помещение под него – да, строили, а этот зал, к примеру, создавали нептунийцы, которые были разумными растениями, если ты вспомнишь».

– Как и уранийцы, и плутониане.

«Не отвлекайся, друг мой. Тебя ждут великие дела. – Ста-Пан усмехнулся. – Если только ты намерен им соответствовать. Хочешь помочь Регулюму?»

– Шутите? – не поверил Стас.

Комба продолжал изучать его лицо с неким сомнением во взоре, и молодой человек невольно подобрался, посерьёзней.

– Чего вы хотите от меня?

«Тот мейнстрим Регулюма, в котором живу я, зашёл в тупик. Метакон долго терпеть не будет и отправит его в хроник целиком. А может быть, вообще сбросит в Большой Хаос. Но есть один вариант реальности, который имеет шанс...»

– Фазовый аттрактор.

«...который имеет шанс обойти все тупики и воплотить замысел Творца регулюмов как абсолютную этическую ценность. Когда-то этот вариант выпал в «яму» из-за неправильного решения одного равновесника... – Ста-Пан замолчал, пожевал губами, поморщился. – К сожалению, это был я. Пришла пора исправлять ошибки».

Стас прищурился.

Комба кивнул.

«Да, чужими руками, согласен, поэтому ты можешь отказаться. И вероятнее всего, откажешься, как это сделал я. Но хотя бы выслушай».

Стас почувствовал раздражение и одновременно смущение, будто его уличили в неблагоприятном поступке.

– Я не знаю, о чём пойдёт речь.

«О Регулюме ты уже знаешь, поэтому начнём сразу с зад... с анализа обстановки в мире. Кстати, советую не тратить дыхание на звуковую речь, иначе твоя витасфера скоро сохнет. Мы можем общаться в мысленном диапазоне».

– Я... «Я понял», – поправился Стас, переходя на мыслесвязь.

«Много лет назад я хотел уничтожить стратегал, которым пользовались в то время равновесники Марса и тамошний СТАБС».

«Разве его... можно уничтожить?»

«Как и всё в этом мире».

«Но тогда погибнет весь Регулюм! Стратегал является его ДНК, системой, формирующей законы жизни...»

«Я намеревался сбросить на плоскогорье Марса, в месте установки стратегала, Фобос, спутник Марса, а по сути – старый космический крейсер плутониан. Но... передумал. Надо закончить первоначально задуманное».

«Но ведь стратегал сейчас на Земле, под Питером...»

«Да, его перенесли с Марса после моего... намерения. Есть ещё и дубль на Луне. И законсервированные копии на спутниках больших планет. Однако речь не идёт об уничтожении земного стратегала, речь идёт о повторении атаки на марсианский стратегал за двести миллионов лет до появления на Земле вида хомо сапиенс».

«А Регулюм тоже... не исчезнет?»

«Уничтожив стратегал, мы дадим возможность Регулюму развиваться самому, не полагаясь на решения Равновесий, каждое из которых норовит подчинить себе всю систему, играть роль вершителей судеб всего человечества. А погибнуть Регулюму не даст хроноген, который подчиняется только воле Творца».

«Разве Творец нас... не бросил?»

Ста-Пан улыбнулся, сел на каменный куб, и тот вдруг вспенился, превратился в подобие бесформенного кресла.

«У Творца много других забот. Но его помощники следят за процессом роста Регулюма. Я встречался с одним из них по имени Дервиш».

– И я бы хотел! – вырвалось у Стаса.

«Может быть, ты получишь такую возможность. Не перебивай больше, у нас мало времени».

«Что нужно делать?»

«Ты согласен?»

«Ну, я... – Стас пошевелил пальцами, формулируя ответ, уловил иронический огонёк в глазах собеседника, выпрямился. – Я могу сначала закончить магистратуру?»

«Магистратуру тебе заканчивать не придётся. Тебя ждут другие знания, превосходящие всё, что ты можешь представить».

«Знания Бездн?» – скривил губы Стас.

«Я до сих пор жив только благодаря тому, что инба Цальг передал мне частичку этих Знаний».

«Хорошо, я понял. Последний вопрос не по теме: если я всё сделаю так, как надо, и вы – т о т – измените своё решение... базовая реальность изменится?»

«Несомненно».

«Но тогда и вы тоже... изменитесь?»

«Я просто исчезну».

«Но как же так... получается, вы себя... ликвидируете?»

«А кому я такой нужен?» – спокойно пожал плечами Ста-Пан.

Стас попятился, не спуская глаз с лица комбы, сел на каменный куб, который почему-то не превратился в кресло, как под Ста-Паном.

«Вы... сумасшедший!»

По губам Ста-Пана скользнула грустная улыбка.

«Без сумасшедшинки в крови жить скучно. Ты поймёшь это позже. Что касается базового варианта Регулюма, моё решение привело к возникновению на Земле Терсиса – глобальной террористической сети, грозящей выйти в космос и поколебать равновесие всей системы регулюмов. Допустить этого нельзя».

Ста-Пан закрыл глаза, посидел немного, думая о чём-то своём, добавил:

«Есть и ещё один аргумент...»

«Какой?»

«Женщина...»

«Извините?»

Ста-Пан открыл глаза.

«Меня любила женщина... а потом она ушла... но к делу! Вот какая дорога тебе предстоит».

Комба повернулся к выпуклому парусу стены, стремительно начертил на ней пальцем незамысловатый чертёж; линии чертежа начинали светиться вслед за движением пальца.

«Объясняю. Единичкой указан базовый вариант реальности, то есть мейнстрим».

«В котором живёте вы?»

«Двойка, тройка и четвёрка – свёрнутые варианты реальности, хроники. Пусть ты обитаешь в виртуале-двойке. В третьем и четвёртом виртуалах живут девушки, присутствие которых поможет нашему общему «предку» изменить своё решение. Обоих зовут Дарьями. Одну из них надо вытащить из «хрономогилы» и доставить в базовый вариант, в рубку Фобос-корабля».

«Зачем?»

«Думаю, увидев её, Станислав Панов-первый, – Ста-Пан усмехнулся, – сделает правильный выбор».

Стас заколебался.

Комба поднял ладонь.

«Знаю, ты недавно познакомился с девушкой Даной. Но, во-первых, о любви речь не идёт, ведь так?»

Стас неуверенно почесал затылок.

«Она красивая...»

«Во-вторых, – продолжал Ста-Пан, – спасение Дарьи тебя ни к чему не обязывает».

«А почему вы сами этого не сделаете?»

«Не позволяют законы Регулюма. Я не могу, к примеру, вернуться в прошлое и убить своего дедушку. В этом случае моя милисса как бы защищена логическим концептуалом, то есть она самосогласована. Убить моего дедушку может только кто-то другой».

«Я смогу?»

«Нет, ты не сможешь, так какходишь в пределы горизонта событий моей милиссы. Размы с тобой встретились сегодня, ты стал зависимым реципиентом этого события. Короче, для миссии спасения Регулюма нужен независимый оперативник».

«Подождите, так я зависим или независим?»

«Смотря с какой стороны посмотреть. Убить меня ты не сможешь, но изменить милиссу в состоянии, тем более что я сам этого хочу. Ты справишься».

«Почему вы так... уверены?»

Ста-Пан усмехнулся в третий раз.

«А я и не уверен. Просто мне больше некому довериться».

Стас порозовел, шокированный откровенностью комиссара, потом ему на ум пришла другая мысль:

«А если спасти сразу двоих?»

Ста-Пан достал из кармана плоскую красную коробочку, вынул из неё капсулу белого цвета, бросил в рот. Заметил взгляд молодого человека, протянул коробочку ему.

«Возьми, это «инэр», раскрывает резервы организма, поднимает тонус и всё такое прочее».

Стас несмело взял капсулу, повертел в пальцах.

«Глотать её необязательно, можно раздавить пальцами, результат будет тот же. Бери, бери, эта штука пригодится, особенно в чрезвычайных ситуациях, когда понадобятся сверхсилы. Однако ты задал непростой вопрос, парень. По логике вещей нужна одна корректирующая программа... э-э, девушка. Но почему бы не попробовать перевести в мейнстрим обеих? Каждой нужен обережник. Попробуй, если хочешь».

«Отлично! – обрадовался неизвестно чему Стас. – Где мне их искать? – Он вдруг вспомнил о своём неумении переходить в тхабс-режим, виновато сморщился. – Никак не могу научиться ходить волхварём...»

«Ты думаешь о физических законах, которые запрещают людям свободно разгуливать по Регулюму. Забудь о них, и всё получится».

«Хорошо... попытаюсь».

«Держи вот ещё что, тоже пригодится. – Ста-Пан бросил необычной формы нож, вонзившийся в пол точно у ноги Стаса. – Это мономолик, режет даже сталь. Он мне когда-то сильно помог. Кстати, в рукояти ножа есть выемка, можешь спрятать туда «инэр».

Стас выдернул нож, потрогал волнистое лезвие, восхищённо повертел перед глазами.

«Красивый... но я всё равно не понимаю, где находятся эти виртуалы».

Он вложил белую капсулку в рукоять ножа, кивнул на светящийся рисунок на стене.

«Я поставил маркерные метки, ты поймёшь». – Ста-Пан вдруг замолчал, прислушался к чему-то, и тотчас же в зале бесшумно вспыхнул крутящийся смерч, и на пол из него посыпались чёрные фигуры.

– Беги! – приглушённо рявкнул комба, вскакивая и одним прыжком преодолевая расстояние между Пановым и группой Оллер-Бата. – Я их задержу!

Засверкали вспышки, по залу заскакали ослепительные взрывающиеся шары и струи огня.

Стас заторможенно поднялся, не зная, вмешаться ли в схватку или выполнять приказ комбы.

«Беги!» – подхлестнул его мысленный вскрик Ста-Пана.

Он вздрогнул и легко, почти без усилий нырнул в «колодец» тхабса.

Чем закончился бой «родича» со сворой упырей, Стас уже не увидел.

Глава 5

МОЯ ВОЛЯ – ЗАКОН!

СТАБС – как система контроля Регулюма не имела физической штаб-квартиры никогда: ни во времена процветания плутонийской цивилизации, ни позже, когда к регуляции реальности подключились люди, перенявшие эстафету у атлантов, потомков марсиан. Все её структуры по сути являлись виртуальными компаниями, поддерживающими связь через Интернет и буферные компьютерные сети. Тем не менее служащие этих компаний, в том числе комиссары баланса, были живыми людьми, имели свои офисы, в большинстве своём – для прикрытия основной деятельности, квартиры, особняки и места отдыха.

Глава СТАБСа марсианин Имнихь также распоряжался вполне материальными объектами, доставшимися ему в наследство от прежнего фундатора, но предпочитал жить на родине, то есть на Марсе, во времена процветания марсианской цивилизации. Свою обитель на берегу Бериллиева залива он покидал редко. Его руками и глазами становились сотрудники рангом пониже: комиссары, инспектора, чистильщики, наблюдатели, расчётчики. Все они служили СТАБСу добровольно, отличаясь степенью ответственности и рангом в его иерархии, и все подчинялись воле фундатора, редко проявляя свои психологические особенности. Такие в СТАБСе не уживались. Они становились ненадёжными элементами в отлаженной системе и выбраковывались ещё на стадиях низших специалистов. Поэтому внезапное своеволие оперативного агента высшего звена – комиссара! – Ста-Пана заставило фундатора проанализировать деловую атмосферу во всех звеньях СТАБСа и сделать неприятный вывод: он выдохся!

Проблема замены главы Системы появилась давно. Каждая новая сегрегация разума в Регулюме выдвигала своих лидеров, и прежние уходили, передав бразды правления СТАБСом в надёжные руки (ветви, лапы, щупальца, псевдоподии). Однако Имнихь хотел остаться фундатором вплоть до Стохастического Предела, а ещё лучше – до полного сброса Регулюма в Хаос, для чего предпринял беспрецедентные меры в этом направлении.

Он ликвидировал двух лидеров земной Атлантиды и Гипербореи, готовых его заменить, пережил тринадцать покушений и не допустил к власти таких известных на Земле личностей, как Гермес Трисмегист, Кецалькоатль, Александр Македонский, Будда и Серебряный Всадник.

Бунт Ста-Пана, человека вполне предсказуемого, стал для фундатора сюрпризом. Такого удара от комиссара он не ждал. И приказал комбе Оллер-Бату, потомку атлантов, нейтрализовать милиссы всех Станиславов Пановых во всех виртуалах, даже в засыхающих, то есть в «хрономогилах».

На седьмой день после принятия решения Оллер-Бат заявился к нему в резиденцию, называя её по старинке Центром. У фундатора было два десятка таких «центров» по всей Солнечной системе, и вычислить, в каком из них он в данный момент находится, было невозможно. Однако Оллер-Бата он всегда принимал в резиденции на Марсе, в зале стратегала.

Оллер-Бат бывал здесь не один раз, давно привык к сложнейшей системе управления Регулюмом, но и он какое-то время с интересом смотрел на грандиозное сооружение в центре гигантского зала, отслеживающее все важнейшие события, которые происходили в Солнечной системе.

В принципе стратегал являлся точной моделью Регулюма, использующей для контроля физических и социальных процессов все достижения цивилизаций, родившихся и уже умерших с момента образования временно стабилизированного пространственного узла. Но больше всего Оллер-Бата воодушевляла не беспрецедентная сложность стратегала, а прозорливость и ум тех, кто его строил «с нуля». Видимо, они умели ходить в далёкое будущее и создавали контроль-систему с таким расчётом, чтобы ею могли пользоваться все последующие разумники. А

ведь первыми, кто задумал стратегал как системный компьютер – задатчик, были плутониане, то есть разумные системы микроорганизмов.

«Докладывайте», – прошелестел в голове атланта бестелесный голос фундатора.

Он оглянулся.

Похожий на седого лемура в золотистом комбинезоне на него смотрел Имнихь, расположившийся на антигравитационном «блюде», с узким и длинным стаканчиком в лапке, заполненным какой-то дымящейся оранжевой жидкостью.

«Комба Ста-Пан нейтрализован», – сказал Оллер-Бат.

«Уничтожен?»

«Сброшен в хроник, не имеющий выхода в мейнстрим».

«Надо было его физически уничтожить. А его дубли?»

«Милиссы Пановых в базовой реальности отсутствуют».

«Я приказывал найти и нейтрализовать милиссы Пановых во всех забракованных хрониках».

«Но ведь род Ста-Пана очень глубок, он уходит в прошлое на миллионы лет...»

«Вы не поняли? Я сказал – всех!»

Из стаканчика в лапке фундатора выплеснулся фонтанчик оранжевого пара.

Имнихь вдохнул этот фонтанчик, расслабился, глаза его заблестели.

«Это нецелесообразно, – осторожно возразил Оллер-Бат. – Ликвидация полной миссиссы рода Пановых может спровоцировать нежелательные бифуркационные волнения в базовой реальности».

«Панов опасен, – Имнихь сделал глоток, блаженно закрыл глаза, посидел так немного, закончил: – И моя воля – закон! Вам этого недостаточно, комиссар?»

«Я считал, что закон – это сохранение равновесия в Регулюме».

«Выполняйте!» – бросил фундатор.

Его невесомое кресло-блюдо поплыло прочь, скрылось в протаявшей щели выхода.

Оллер-Бат проводил главу СТАБСа ничего не выражающим взглядом, глянул на сверкающий «букет» сфер стратегала. Впервые в жизни его душу охватило сомнение. Фундатор не привёл ни одного убедительного доказательства в пользу необходимости полного «стирания» рода Пановых. А его обоснование: «Моя воля – закон!» – не могло служить доказательством, потому что было сугубо субъективным.

В глубине хрустальных сфер стратегала вспыхнул язычок пламени.

Оллер-Бат задержался, уверенно находя объект: Земля, страна – Иран, время – начало две тысячи восьмого года. Ну, правильно, Соединённые Штаты Америки нанесли бомбовый удар по Ирану, одна из ракет попала в подземный ядерный реактор, тот взорвался.

Среди операторов, обслуживающих стратегал, наметилось оживление.

Оллер-Бат понял их чувства.

Земные Равновесия А и К должны были нейтрализовать намерения США и не допустить военного конфликта, однако Равновесие-К, управляемое маршалессой, отстаивало другой вариант развития Регулюма, и война между Ираном и США всё же началась.

«Пора вмешаться, – подумал Оллер-Бат рассеянно. – Иначе Регулюм из-за несогласования действия Равновесий не доживёт и до Отражающего Предела».

«Вы ещё здесь, комиссар?» – вкрадчиво поинтересовался внезапно объявившийся в зале Имнихь.

«Анализирую задание, – ответил Оллер-Бат. – Намечаю варианты исполнения».

Слегка поклонившись, он протянул тхабс-линию на Землю.

Вышел в России, в Ярославле, чтобы оттуда двинуться в прошлое и проследить миссиссу родственников Пановых. Но мысль проанализировать задание фундатора вернулась, и Оллер-Бат «просочился» в зал дублирующего стратегала, расположенного на Луне.

На самом деле стратегал был один на весь Регулюм. Но для удобства пользования были «проявлены» три его дубля: два – на Земле, ими пользовались Равновесия, и один – на Луне, которым могли пользоваться все, кто имел доступ к системе контроля.

Оллер-Бат расположился в свободном операционном коконе и углубился в расчёты последствий, которые могли возникнуть после «стирания» рода Пановых.

Расчёты заняли более восьми часов и потребовали много энергии. Пришлось даже прибегать к стимулирующим средствам. Но комба остался удовлетворён. Его предположение подтвердилось: ветви рода Пановых протягивались в бездны прошлого и будущего, и «стереть» их все было очень трудно. Мало того, их исчезновение нельзя было сгладить ламинарно, возникли «тёмные» узлы непросчитываемых дисперсий, которые тоже надо было гасить.

Так, оказалось, что ликвидация милиссы деда Панова по матери в начале новой эры, около двух тысяч лет назад, приводила к возникновению Хохлопанской империи, занимавшей пол-Европы – от Чёрного моря до Балтийского (если иметь в виду современную терминологию). А в конце двадцатого века к власти в Белой Расее, преемнице Хохлопанской империи, приходил Сталер, одиозная личность, мечтающая объединить весь мир под протекторатом Великой Голубой Орды и сократить население Земли до одного миллиарда. Его правой рукой был не менее выдающийся диверсант, шпион и террорист Дюла Инлер, род которого занял место рода Пановых.

Впрочем, хватало и «мелких» конфликтов, рассеянных по истории Регулюма, возникших по вине «сброса» рода Пановых, «стирания» его из памяти стратегала. К примеру, русско-шведских войн становилось вдвое больше, Турция как государство в результате Русско-турецкой войны тысяча семьсот тридцать пятого ² года исчезала вовсе, европейцы обнаружили Америку на три столетия раньше, а индейцы майя переселились на Африканский континент, позже в Австралию и выжили.

В принципе Оллер-Бата это никак не касалось, да и сентиментальным он не был, и тем не менее он являлся жителем Земли, которая представляла собой в нынешние времена базовую реальность Регулюма. Поэтому всё, что на ней происходило, касалось и его.

Сначала он перепроверил получившиеся выводы.

Потом задумался.

До сего момента он выполнял задания фундатора, не особенно переживая за последствия своей работы. «Обрезал» два десятка «хрономогил»: то есть подчистил грубые просчёты земных Равновесий и закрыл доступ к сброшенным виртуалам из базовой реальности. И обратно. Изменил милиссы более двух сотен существ, людей и других разумников, способных поколебать стабильно закреплённый пространственный узел. Ликвидировал физически два десятка особо опасных лидеров, деятельность которых могла нарушить и без того хрупкое равновесие регулирующих Регулюм сил. Исправил возникшие в прошлом нелинейности исторического развития земной цивилизации, хотя при этом пришлось пожертвовать красивыми вариантами бытия, техническими достижениями и спокойствием мировых социальных процессов. Об одном из таких вариантов он сожалел до сих пор: когда в первой войне Атлантиды и Арктиды победила его родина, и на Земле временно возник Социальный Структурный Артефакт – Абиссинида, объединившая всех трёхглазых обитателей Земли в единый «мозг». Однако при этом исчезло более девяноста процентов крупных форм жизни, в том числе динозавры, и вариант пришлось забраковать.

Правда, последующий вариант реальности потребовал новых жертв: пришлось расстаться с теми же динозаврами, свалив на победившую Атлантиду гигантский десятикилометровый астероид. Зато впоследствии развитие цивилизации людей пошло «в нужном направлении», и СТАБС оставил этот вариант в качестве базового.

² Исторический факт: Русско-турецкая война длилась с 1735 по 1739 год.

В тихой «пещере» головы Оллер-Бата возник источник мысленного «звука» – словно кто-то робко тронул струну бас-гитары. Это снова стучался в сознание комбы вызов фундатора.

Оллер-Бат привычно настроил нужные структуры мозга в резонанс с поступившим сигналом, услышал щебечущий «голосок»:

«Вам нужна помощь, комиссар?»

Оллер-Бат хотел отказаться, но вовремя подумал, что и Ста-Пан начал с подобного отказа, поэтому вежливо ответил:

«Помощь не помешала бы».

«В ваше распоряжение поступают инба Ханом и чисба Вериж-Нец».

«Благодарю, экселенц».

«Докладывайте о продвижении дела каждые двадцать четыре земных часа».

«Слушаюсь, экселенц».

Оллер-Бат расшнуровал операционный кокон и обнаружил ждущих его оперативников: инбу Ханома – в прошлом монаха в эпоху царствования Иоанна Грозного, и чисбу Вериж-Неца – фазтонца, похожего на гигантское земное насекомое – богомола.

Фундатор абсолютно точно вывел своих посланцев «на объект», тонко подчёркивая комбе важность приказа. Какие инструкции он им выдал, можно было только догадываться.

Глава 6

ЧТО Я ЗДЕСЬ ДЕЛАЮ?!

Полётом этот процесс перемещения в мглистом «нигде» назвать было трудно. Все чувства Стасу практически отказали, и лишь «мигающее» сознание слегка поддерживало его во время слепого движения, успокаивая, давая понять, что он ещё не умер.

«Полёт» в эфемерном «колодце неизвестно чего» закончился ударом обо что-то твёрдое, хотя после того, как Стас обрёл способность видеть, ничего твёрдого он не обнаружил, кроме гладкой тёмной поверхности под ногами.

Сначала он подумал, что это асфальтовая площадка во дворе дома.

Потом диапазон зрения скачком увеличился, и Стас понял, что стоит на плоской круглой вершине скалы, утопающей в море подсвеченного снизу голубоватого тумана. Скала была не единственной в этом странном мире. Цепочка таких же скал уходила вправо и влево, причём та ветвь, которая шагала к горизонту вправо, становилась всё более светлой, накаляясь до почти лунного сияния, а уходящая влево становилась тусклой, краснела, багровела и, наконец, растворялась в темноте.

Небом здесь служила сизая пелена, похожая на скрывающий звёзды облачный слой. А дышать было практически нечем, и спасла Стаса только инстинктивно созданная им вита-сфера.

«Где я?!» – мелькнула задавленная эмоциями мысль.

Вторая была под стать первой: что я здесь делаю?!

Потом пришла третья: надо бежать отсюда!

Перед глазами всплыло лицо Ста-Пана, на губах которого играла снисходительная усмешка. Комба хорошо знал самого себя, что означало – одновременно он отлично понимал всех своих «родичей». И это давало ему повод сомневаться в успехе задуманного.

Стас невольно покраснел, кинул по сторонам косой взгляд, словно боялся увидеть свидетелей его страха. Сжал зубы.

Сдрейфил? Да! Но чёрта с два отступлю! Ста-Пан скорее всего погиб, защищая его отступление, и об этом теперь придётся помнить всю жизнь.

Итак, где мы оказались, товарищ Панов?

В облачно-туманном небе родилась звёздочка, плавно покатила за горизонт, оставляя за собой светящийся метеорный след.

Это что – знак свыше? Или просто местное природное явление?

Ещё один «метеор» прочертил глухую пелену неба, исчезая в той стороне, куда уходила цепочка скал с плоскими вершинами. Причём – в более яркую, золотистую ветвь.

Может быть, и в самом деле стоит посмотреть, что там есть? Кстати, Ста-Пан рассказывал, что эта дорога ведёт к сайту Матрицы Мироздания, или, как её называют чаще, к Знаниям Бездн. Кто бы подсказал, что это такое на самом деле – Знания Бездн?

Вдали, на вершине одного из ближайших мрачных багровых столбов, появилась сияющая серебристая фигурка.

Стас замер, пытаясь разглядеть существо, похожее на женщину в сверкающем плаще.

Что делать? Позвать? Или попытаться подойти к ней самому? Но Ста-Пан не оставил инструкций, как это можно сделать. Между столбами-скалами метров по сто, если не больше, перепрыгнуть не удастся. А тхабсом он ещё не владеет в должной мере.

Фигурка исчезла.

Зато на «лунной» скале ветви возникла другая фигура – нечто вроде дракона с чешуйчатыми крыльями и огнедышащей пастью.

«ИЗАР!» – всплыло в памяти имя инспектора Закона Равновесия, служащего Метакону. Чёрт бы его побрал! Ста-Пан в своё время изрядно побегал от него, нарабатывая печальный опыт контактов с инспектором. Как там называется его должность? Этик-мнемор первого уровня? Чего ему надо от меня?

«Дракон» раскрыл пасть шире и прыгнул.

Стас отшатнулся и совершенно инстинктивно нырнул в «колодец» тхабс-режима.

Он уже не видел, как дракон превратился в седого старика в длинном белом плаще, задумчиво прогулявшегося по сизой от инея поверхности скалы.

На сей раз переход в тхабс-состояние дался ему проще и по ощущениям длился всего несколько секунд.

Помня своё первое «приземление», Стас сгруппировался, поджал ноги и никакого удара вообще не почувствовал.

Он оказался в гулком пустом коридоре с мокрыми на вид стенами. По стенам снизу вверх (!) текли струйки и наплывы похожей на жидкий бетон субстанции, вливались в такой же «водянисто-бетонный» потолок. Стас даже поёжился, ожидая ливня капель сверху, но потолок был гладким и лишь подрагивал, когда в него вливались более обильные натёки.

А пол коридора был сухим, покрытым слоем давней беловатой пыли, в которой отпечатались цепочки следов. Стас разглядел три таких следа, и все они принадлежали разнокалиберным ходакам: совсем крохотные, овальные, с намёком на коготки (что за зверёк здесь прошагал?), обыкновенные человеческие – шёл мужчина в ботинках с рифлёной подошвой, и огромные, в полметра длиной, разделённые посередине странным швом. Трудно было представить, кто мог оставить такие следы, навевающие мрачные ассоциации.

«Интересно, куда это я попал?» – сам себя спросил Стас.

Память молчала.

Эйконал, которым загрузил Панова комба Ста-Пан, спасибо ему большое, сведений об этом помещении не имел.

Стас потоптался на месте, испытывая разнообразные чувства, повертел в руках мономолик, царапнул им стену и удивился. Нож просто соскользнул, не оставив на «текучей» стене ни малейшего следа.

«Это мне кажется, что стена плывёт, – успокоил себя молодой человек. – И весь коридор скорее всего выглядит по-другому. Здесь царят иные физические законы, и пространство имеет другое количество измерений. Знать бы, куда ведёт этот «бетонный» тоннель. Кстати, чем он освещается? Ни одной лампы, а видно всё как днём».

Стас двинулся вперёд, стараясь не наступать на чужие следы. Потом увидел, что штанины внизу пропитываются пылью, и стал, наоборот, ставить ноги в следы прошедшего здесь неведомо когда великана.

Шагов через сорок он уткнулся в перекрёсток с обыкновенной лестничной площадкой. Перпендикулярный коридор ничем не отличался от первого, уходя в обе стороны в бесконечность, и Стас решил перейти на другой уровень. Инстинктивно избрал подъём. Лестница имела четыре пролёта и привела его на площадку, соединявшую точно такие же коридоры, что и этажом ниже.

– Пусто, – сказал Стас вслух, обнаруживая, что дышит воздухом витасферы. – Поднимемся повыше.

Он взобрался ещё на этаж, увидел знакомые «текучие» стены коридоров, сплюнул.

– Тест на упрямство? Или на умение думать?

Стены коридора содрогнулись, то ли от его слов, то ли по иной причине, потёки «жидкого бетона» застыли.

– Ну, и что дальше? – посмотрел на них Стас.

Потёки поплыли к потолку снова.

– Ясно, я не оправдал ваших надежд. Что ж, надо отсюда сма... – Стас вдруг обратил внимание, что в этих коридорах почти нет пыли, но следы – есть! И их гораздо больше, чем в первом коридоре, будто верхними этажами пользовались чаще, чем нижними.

Ну-ка, ну-ка, откуда и куда шли люди? Да и люди ли?

Следы без сомнения принадлежали людям, мужчинам и женщинам и даже, похоже, детям. Хотя среди них изредка попадались очень странные, не то звериные, не то «пришельческие», если судить по их форме. И большинство вело по коридору в одну сторону.

Ладно, посмотрим, куда топала вся эта весёлая компания.

Стас поспешил в нужном направлении, чувствуя, что витасфера «выдыхается». В голове поплыл тонкий комариный звон, сердце заколотилось сильнее, горло пересохло, дышать стало труднее. Все эти признаки падения тонуса указывали на энергетический голод организма, и Стас подумал с тревогой, что он вполне может внезапно отключиться, а что с ним случится после этого, неизвестно.

Ускорил шаг, почти побежал.

Сто метров, двести, триста...

Чёртов коридор! Когда же он закончится?!

В тот же момент коридор расширился и превратился в гигантский куполовидный зал, в центре которого расположилась дырчато-ажурная конструкция, похожая на огромную люстру из хрустальных висюлек и свеч. Внутри «люстры» горел рубиновый огонёк, похожий на угрюмый глаз. А вокруг неё располагались странные выросты из пола, напоминающие двухметровой высоты бутоны невиданных цветов и страусиные яйца одновременно.

Стратегал, мелькнула в голове догадка.

«Не может быть!» – возразил Стас сам себе.

Однако чем дольше он всматривался в «люстру», тем больше убеждался в правильности догадки. Перед ним и в самом деле был стратегал, но неработающий, мёртвый, заброшенный или же просто выключенный.

Стратегал существует всего в одном экземпляре, вспомнились слова Ста-Пана. Но в разных слоях Регулюма «проявлены» три его копии: одна на Луне и две на Земле.

Что это означает? Данный стратегал сохраняется на всякий случай? Как резерв? Или он в натуре давно сдох?

Комариный звон в ушах усилился, Стаса начало подташнивать, закружилась голова.

К чёрту, надо уходить! Ста-Пан сказал, что оставил какие-то метки, чтобы я не промахнулся. Где он их оставил? Стрелку на заборе нарисовал?

Сознание померкло.

Отчаянным усилием Стас буквально «воткнул» себя в состояние волхваря, рухнул в темноту и вынырнул из неё в странном дымчато-стеклянном пузыре, хватая ртом воздух как выброшенная на берег рыбина.

Однако пузырь был всё той же витасферой, проявившейся в результате каких-то внутренних побуждений (жажды жизни?), надо было идти дальше, Стас ткнулся головой в «стекло», снова провалился в «колодец» инобытия и увидел мигающую лучистую звезду «справа» от себя.

Метка? Туда, к ней!..

Он с трудом «развернулся», слепо шаря вокруг – не руками – мысленными щупальцами, обнаружил тёмную дыру «под звездой» и последним усилием протиснулся в неё, как в люк...

* * *

Свежий воздух ворвался в лёгкие, судорожно искавшие хотя бы глоточек кислорода, и Стас, очутившийся зимним вечером на берегу какой-то замёрзшей речки, сел в снег и какое-то время просто дышал, ни о чём не думая. Потом встал и начал осматриваться.

Во-первых, стало ясно, что одет он не по погоде: здесь царила зима, и температура воздуха держалась не выше минус пятнадцати градусов по Цельсию.

Во-вторых, судя по чистому небу с россыпью звёзд и почти полному отсутствию облаков, он прибыл на «место спасения» девушки Дарьи как минимум на сутки раньше.

В-третьих, он совсем не знал города, где она жила.

В голове проскочила «электрическая искра».

«Суздаль Владимирской губернии, – забубнил в памяти сам собой включившийся эйконал Ста-Пана. – Расстояние от Москвы – двести три километра...»

Стас выслушал «запись», выбрался на мостовую. Прохожие, скрючившиеся от морозного ветра, с удивлением поглядывали на него, одетого в легкий костюм, а он вдруг с не меньшим удивлением заметил, что совсем не страдает от холода. Организм сам, «автоматически», на уровне инстинкта, начал «регулировать» внутренний биохимический обмен, поддерживая нужную температуру тела.

– Спасибо, – пробормотал Стас, имея в виду комбу Ста-Пана. «Родич» позаботился и об этом, передав ему знания и приёмы внутреннего регулирования.

«Однако надо готовиться к предстоящей операции, друг мой, – подумал Стас. – Но в первую очередь следует заняться обмундированием, чтобы люди вокруг перестали обращать на тебя внимание».

Он посмотрел на табличку с названием улицы: улица Калинина. Сюда он ещё вернётся. А где у них тут магазин одежды? Ближе к центру? И какие здесь ходят деньги?

Стас поднял воротник пиджака, сделал вид, что мёрзнет, остановил прохожего:

– Извините, вы не знаете, есть поблизости универмаг? – Заметив взгляд мужчины, добавил с извиняющейся улыбкой: – Прилетел с юга, не рассчитал погоду.

– На Васильевской целая куча магазинов, – ответил прохожий. – До перекрёстка и налево.

– Благодарю, – кивнул Стас, торопливо двигаясь в указанном направлении.

Универмаг с отделом по продаже одежды обнаружился ближе к площади, на которой располагались две церкви: Воскресенская и Цареконстантиновская. Шёл восьмой час вечера, над городом потянулись черные струи облаков, предвещающая снегопад, дул пронзительный ветер, и покупателей в универмаге было мало.

Стас походил по отделам, присматриваясь к тем, кто платил в кассу деньги, никаких отличий местной валюты от своих купюр не заметил и направился на второй этаж универмага, где располагался отдел верхней одежды. Нашёл куртку нужного размера, вязаную шапочку наподобие спортивной, примерил, протянул продавщице:

– Я это возьму.

Девушка привычно выписала чек, начала складывать куртку.

– Не надо, – попросил Стас, – я её сразу надену.

Подошёл к кассе, протянул деньги, внутренне напрягаясь. Однако никакой реакции кассирши на его дензнаки не последовало. Девушка сунула тысячные купюры в аппарат контроля, протянула сдачу. Обрадованный удачей Стас вежливо поблагодарил продавщицу, сорвал с куртки все этикетки и тут же надел.

– Нормально.

Девушки переглянулись, он подмигнул им, помахал рукой и вышел из универмага, довольный тем, что первая часть задачи оказалась легко выполнимой. Теперь настала очередь устраиваться на ночлег.

Ни знакомых, ни родственников у Пановых здесь не было, поэтому Стас начал искать гостиницу и обнаружил таковую в квартале от универмага. Он уже выяснил, что прибыл в Суздаль «засыхающего квестора» восемнадцатого февраля, ровно за сутки до «момента икс», то есть до гибели девушки Дарьи. Ста-Пан, очевидно, поставил метку не только в виртуальном пространстве тхабс-режима, но и во времени, чтобы спаситель прибыл чуть раньше и смог разобраться в обстановке. В гостинице ему предстояло прожить всего лишь одну ночь.

На всякий случай Стас сделал небольшой круг, прошёл мимо детсада на улице Ленина, где Дарья работала воспитательницей, и лишь после этого вернулся к гостинице, вполне современной на первый взгляд, носящей гордое название «Отель «Кремлёвский».

Он усмехнулся, отдавая дань фантазии владельца. Потом подумал, что название гостинице могли дать вследствие близости местного кремля, и решительно шагнул в вестибюль сквозь вертящуюся стеклянную дверь.

Здесь его тоже не ждали неприятные сюрпризы.

Паспорт был при нём, и Панову без задержек предоставили одноместный полулюкс на втором этаже, с видом на Воскресенскую церковь. По-видимому, этот виртуал если и отличался от родного потока реальности, то совсем не намного. Стасу даже захотелось найти «себя самого», то есть Панова-местного, посмотреть на него хотя бы издали, узнать, чем тот занимается и знаком ли он с истинным положением вещей. Но делать этого не стоило во избежание нежелательных контактов с упырями, и Стас, усталый от пережитого, искупался в ванной, сонно пощёлкал кнопками переключения телеканалов, пытаясь найти отличия от информационных сообщений «родного Регулюма», и не заметил, как уснул.

Проснулся ночью, выключил работающий телевизор, снова упал на подушку, проваливаясь в мутный сон с погонями и перестрелками. И лишь под утро расслабился окончательно и успокоился.

Встал заметно посвежевшим. Сделал зарядку, потрогал щетину на щеках: бритву он, естественно, захватить не успел. Сходил в гостиничное кафе, позавтракал: яичница из двух яиц с ветчиной, кофе с молоком. Бодро направился к детсаду, собираясь понаблюдать за «объектом спасения».

На улице слегка потеплело, до минус одиннадцати градусов, небо затянули тучи, снежок то начинал сыпаться с неба, то втягивался в пухлую облачную пелену, прохожие торопились по своим делам, поток автомобилей плотнел, и не верилось, что этот мир «стёрт» из реальности, опущен в «хрономогилу» и доживает, может быть, последние годы, месяцы и дни.

Стас передёрнул плечами и, чувствуя себя шпионом «на вражеской территории», ловя мимолётные взгляды прохожих (как хорошо, что он купил «камуфляж»), двинулся в нужном направлении.

Сначала он понаблюдал за территорией детсада через узорчатую металлическую решётку. Собрался было навеститься в детсад и спросить Дарью Страшко, но тут вышла она в сопровождении стайки ребятишек.

Сердце ухнуло вниз, рванулось вверх и остановилось у горла.

Дарья как две капли воды походила на Дану! Это во-первых. Во-вторых, она была очень мила и естественна. Так мила, что сбивалось дыхание! И, судя по всему, она очень любила детей, так как вела себя с ними исключительно мягко, как заботливая мать.

Несколько минут Стас вбирал глазами все её жесты, движения, улыбки, разговоры с детьми. Выдохнул застрявший в лёгких воздух. Подумал с невольной завистью: у такой обязательно должен быть парень!

Тут же мелькнула мысль, что её парень, возможно, похож на него. Вторая мысль несла благодарность Ста-Пану за знакомство, третья – осуждение в его же адрес, потому что теперь Стас не мог отступить, отказаться от задания, поскольку такую девушку стоило спасать.

«А Дана?» – пискнула из глубины подсознания «справедливая» мысль.

«А что Дана? – пожал он плечами. – Просто знакомая...»

«Ты же её хотел!»

«Мало ли кого я хотел. Дану не надо спасать».

«Но ведь ты уже присох к этой Дарье!»

«Ничего я не присох, отстань!»

Мысль спряталась, а сумбур в голове остался. Хотя при этом Стас отчётливо осознавал, что спорит сам с собой для проформы. Дарья ему действительно понравилась. Сразу и бесповоротно! И он ничего не мог с этим поделать, да и не хотел.

Около часа девушка возилась с детьми на игровой площадке, помогая им взбираться на горку, поднимая упавших и уговаривая остальных уступать друг другу санки и игрушки. Потом увела группу в здание детсада.

Стас обнаружил, что хочет горячего кофе, собрался сбежать в ближайшее кафе и заметил подъехавший к воротам детсада чёрный джип «Паджеро Юнион». Мгновенно напряглись мышцы живота. Джип был тот самый, принадлежащий Сильвестру Яковенко, о котором говорилось в эйконале. Отец Кеши приехал предупредить воспитательницу, что с его сыном надо обращаться по меньшей мере как с арабским шейхом.

Стас уже разработал план своего вмешательства в процесс, поэтому в данный момент лишь проводил Сильвестра Яковенко оценивающим взглядом: бугай, однако, ещё тот! Затем дождался выхода Яковенко.

Бывший спортсмен вышел из детсада через десять минут, хлопнул дверью, ворча, оглядываясь, пиная снег ногой, сел в джип, джип уехал. Видимо, ему не понравилось, как его приняли в детсаду. У Стаса мелькнуло сомнение, правильно ли он оценил ситуацию. Тем не менее плана своего он не изменил. Сбежал в кафе, насладился чашкой горячего кофе и продолжил своё дневное бдение. Дождался конца рабочего дня, направился вслед за вышедшей из детсада Дарьей. В короткой белой шубке и белой пушистой шапочке она была прелестна.

Стемнело, пошёл снег, фонари на улице оделись в красивые светлые ореолы.

Девушка шла не торопясь, зачарованно поглядывая на танцующие в лучах фонарей снежинки. Дошла до улицы Васильевской, свернула направо. Она могла бы и подъехать на маршрутке практически до дома, однако не стала этого делать. Стаса она не замечала, была занята своими мыслями. Он же, увлечённый «оперативной слежкой», чувствовал себя «агентом 007» и делал вид, что никуда не торопится.

Таким образом дошли до улицы Калинина. Аккурат напротив того места, где Панова «высадил» тхабс, Дарья приостановилась, и тотчас же началось действие, которое Стас готовился пресечь.

Рядом с ней, очень близко к тротуару, так, что она испуганно вскрикнула и отшатнулась, остановился джип «Паджеро Юнион». Открылась боковая дверца, на тротуар выпрыгнул Сильвестр Яковенко в распахнутой синей куртке, схватил Дарью под руку, дёрнул.

– Садись!

– Что вы делаете?! – попыталась освободиться девушка.

– Садись, тебе говорят!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.